

В. И. Ленин (Ленин)

Том 13

Полное собрание сочинений в 55-ти томах

Владимир Ленин

**Полное собрание сочинений.
Том 13. Май ~ сентябрь 1906**

«Public Domain»

Ленин В. И.

Полное собрание сочинений. Том 13. Май ~ сентябрь 1906 /
В. И. Ленин — «Public Domain», — (Полное собрание сочинений
в 55-ти томах)

В тринадцатый том Полного собрания сочинений В. И. Ленина входят произведения, написанные в мае – сентябре 1906 года. Большинство работ тома посвящено вопросам, связанным с внутрипартийной борьбой после IV (Объединительного) съезда РСДРП, с деятельностью и роспуском I Государственной думы, анализу думской тактики большевиков и критике меньшевистской тактической линии.

Содержание

Предисловие	6
1906 г.	15
Доклад об объединительном съезде РСДРП (письмо к петербургским рабочим){ 1 }	15
I. Состав съезда	17
II. Выборы бюро. Порядок дня съезда	19
III. Аграрный вопрос	20
IV. Оценка революционного момента и классовых задач пролетариата	31
V. Отношение к государственной думе	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36
Комментарии	

В. И. Ленин
Полное собрание сочинений
Том 13
Май ~ сентябрь 1906

Пролетарии всех стран, соединяйтесь

Издание пятое

Издательство политической литературы

Предисловие

В тринадцатый том Полного собрания сочинений В. И. Ленина входят произведения, написанные в мае – сентябре 1906 года.

Большинство работ тома посвящено вопросам, связанным с внутрипартийной борьбой после IV (Объединительного) съезда РСДРП, с деятельностью и роспуском I Государственной думы, анализу думской тактики большевиков и критике меньшевистской тактической линии.

На IV съезде партии осуществилось лишь формальное объединение РСДРП. Меньшевики и большевики продолжали стоять на различных политических платформах и фактически представляли две организации с самостоятельными руководящими центрами. Выбранному на съезде меньшевистскому ЦК противостоял возглавляемый Лениным Петербургский комитет РСДРП. Руководствуясь положением Ленина о том, что нельзя смешивать политику объединения со спутыванием большевиков с меньшевиками, со спутыванием их идейных и политических позиций, большевики и после съезда продолжали вести последовательную, принципиальную борьбу против оппортунизма в рабочем движении.

Том открывается большой работой В. И. Ленина «Доклад об Объединительном съезде РСДРП (Письмо к петербургским рабочим)», написанной Лениным сразу же после съезда. В этом произведении, сыгравшем большую роль в развитии политического сознания рабочих, Ленин дает глубокий анализ работы IV съезда РСДРП и его решений, разоблачает оппортунизм меньшевиков и обосновывает позицию большевиков по коренным вопросам революции: оценка революционного момента и классовых задач пролетариата, аграрный вопрос, отношение к Государственной думе, вооруженное восстание. Ленин подводит итоги съезда и характеризует задачи большевиков. Он подчеркивает необходимость «воплотить действительно в жизнь принципы демократического централизма в организации партии, – добиться упорной работой того, чтобы основной организационной ячейкой партии стали на деле, а не на словах, низшие организации, чтобы все высшие учреждения были действительно выборны, подотчетны и сменяемы. Надо упорной работой, – указывал Ленин, – сложить такую организацию, которая включала бы всех сознательных рабочих с.-д. и которая жила бы самостоятельной политической жизнью» (настоящий том, стр. 60).

Ленин пишет, что большевики должны вести самую решительную, открытую и беспощадную идейную борьбу с оппортунистическими тенденциями правого крыла социал-демократии, указывает на необходимость свободного обсуждения вопросов внутрипартийной жизни. Надо добиваться, отмечал он, широкого обсуждения решений съезда, требовать от всех членов партии сознательного и критического отношения к ним. «В печати, на собраниях, в кружках и группах, – писал Ленин, – должно вестись это обсуждение, если мы только действительно серьезно решили провести демократический централизм в нашей партии, если мы решили вовлекать рабочие массы в сознательное решение партийных вопросов» (стр. 64).

После съезда в местных партийных организациях с отчетами о съезде выступали, как правило, два докладчика – один от большевиков, другой – от меньшевиков. Основным докладчиком от большевиков был Ленин. Он выступал с докладами о съезде перед партийными работниками столицы, на собраниях рабочих социал-демократов Франко-Русского подрайона, Московского, Нарвского районов Петербурга и др. Его выступления помогли рядовым членам партии разобраться в смысле и значении решений съезда и выработать правильное отношение к ним.

Весной и летом 1906 года наблюдалось некоторое оживление революционного движения. Если в первом квартале 1906 года число стачечников равнялось 269 тыс., то во втором квартале оно выросло до 479 тыс. Только в июне число участников экономических стачек достигло 90 тыс., максимальной цифры за 1906 год.

Усилилось и крестьянское движение. Крестьянскими волнениями было охвачено 215 уездов – половина всех уездов Европейской России. Значительно шире, чем в октябре – декабре 1905 года, становится движение в армии и флоте. В июне 1906 года произошли волнения воинских частей в Севастополе, Рязани, Батуми, Владикавказе, Тамбове, а в июле вспыхнули восстания солдат и матросов в Свеаборге, Кронштадте, Ревеле. В начале мая 1906 года в статье «Новый подъем» Ленин писал: «Мы переживаем начало нового общественного подъема. И движение безработных, и Первое мая, и усиление брожения в крестьянстве, в войсках, и митинги, и печать, и союзы, – все свидетельствует о новом подъеме самым недвусмысленным образом» (стр. 71). В этой статье Ленин поставил перед партией задачу – всю пропагандистскую, агитационную и организационную работу направить на то, чтобы пролетариат и крестьянство оказались подготовленными к новой, решительной борьбе. В дальнейшем Ленин неоднократно возвращается к анализу политической обстановки и задачам пролетариата и его партии на данном этапе революции (см. статьи «О современном политическом положении», «Армия и народ», «Перед бурей» и др.). Ленин отмечает, что русская революция идет тяжелым и трудным путем. «За каждым подъемом, за каждым частичным успехом следует поражение, кровопролитие, надругательства самодержавия над борцами за свободу. Но после каждого «поражения» все шире становится движение, все глубже борьба, все больше масса втянутых в борьбу и участвующих в ней классов и групп народа» (стр. 331).

Наряду с частичным, но имеющим широкую основу революционным подъемом в этот период происходит общий, хотя и медленный, спад революции. Обе эти тенденции данного исторического этапа революции не могли не отразиться на характере борьбы, на ее особенностях, формах и методах.

После поражения декабрьского вооруженного восстания 1905 года, явившегося переломным моментом в революции, царское правительство от обороны перешло к наступлению. В стране свирепствовали карательные экспедиции, одна губерния за другой объявлялись на военном положении, были введены военно-полевые суды, участились черносотенные погромы. Однако царизм пытался покончить с революцией не только методом репрессий, а также путем созыва новой, «законодательной» Думы. Самодержавие надеялось, что это отвлечет массы от революционной борьбы, что, создав Думу, ему удастся расколоть революционные силы, оторвать крестьянство от пролетариата.

Вопрос об отношении к Думе весной – летом 1906 года стал тем центральным вопросом, вокруг которого разгорелась ожесточенная борьба политических партий и группировок. Этот вопрос обсуждался на многочисленных митингах, собраниях, в печати, в нем особенно четко, рельефно проявилась размежевка борющихся сил, наглядно сказалось подлинное отношение различных партий к революции.

В основе разногласий меньшевиков и большевиков в отношении к I Государственной думе лежало различное определение характера и задач революции. Ленин писал о меньшевистском крыле российской социал-демократии: «Оно всегда сбивается на ту в корне ошибочную и опошляющую марксизм мысль, будто буржуазную революцию может «делать» самостоятельно только буржуазия или что буржуазную революцию надлежит вести только буржуазии. Роль пролетариата, как передового борца за полную и решительную победу буржуазной революции, не ясна правому крылу с.-д.» (стр. 62).

Большевики, отстаивая марксистскую, революционную тактику, ориентировали массы на дальнейшее расширение революционной борьбы и призывали к бойкоту Думы; меньшевики, не веря в полную победу буржуазно-демократической революции, проводили беспринципную тактику полубойкота (тактику участия в выборах на первых их стадиях), раскалывавшую рабочих и способствовавшую распространению конституционных иллюзий.

Несмотря на то, что наиболее сознательные рабочие, а также часть демократически настроенной интеллигенции не участвовали в выборах, сорвать I Государственную думу не

удалось, так как бойкот проходил в условиях спада революции. Причинами неудачи бойкота являлись также дезорганизаторские действия меньшевиков и наличие сильных конституционных иллюзий у крестьянства.

Проведение бойкота I Думы оказалось, как отмечал позднее Ленин, небольшой ошибкой, легко поправимой при выборах во II Думу. Но несмотря на неудачу бойкота большевистская тактика была неизмеримо ценнее, чем противоречивая, непоследовательная меньшевистская тактика полубойкота. Бойкот, проводимый большевиками, сыграл большую роль в развитии классового самосознания пролетариата, он значительно подорвал авторитет Думы и ослабил веру в нее народа.

I Государственная дума (так называемая виттевская Дума) собралась 27 апреля (10 мая) 1906 года. Большинство депутатских мест в Думе получили кадеты. Ленин выдвинул перед партией задачу использовать Думу, но не для законодательной работы в ней, а в целях революционной агитации и пропаганды, в целях разоблачения этой грубой подделки народного представительства. «Мы должны были сделать, – писал он, – и мы сделали все, чтобы помешать созыву подставного представительства. Это так. Но если, вопреки всем нашим усилиям, оно созвано, мы не можем отказываться от задачи использовать его. Видеть в этом нелогичность могут только буржуазные политики, не ценящие революционной борьбы и борьбы за полный успех революции» (стр. 278).

В работах, вошедших в настоящий том, Ленин впервые широко освещает вопросы, связанные с использованием парламентаризма рабочим классом и его партией.

Большевики считали, что пролетариат может и должен применять парламентскую форму борьбы. «Социал-демократы, – писал Ленин в «Докладе об Объединительном съезде РСДРП», – стоят за использование парламентской борьбы, за участие в ней, но они беспощадно разоблачают «парламентский кретинизм», т. е. веру в то, что парламентская борьба есть *единственная* или *при всяких условиях главная* форма политической борьбы» (стр. 37).

В России в то время не было установившегося парламентского режима, не было конституции. Государственная дума, созданная в атмосфере репрессий, при сохранении всей полноты власти в руках царского правительства являлась лишь фиговым листком самодержавия. В этих условиях Ленин считал, что самым опасным и вредным являются конституционные иллюзии. «Конституционные иллюзии, – писал он, – это обманчивая вера в конституцию. Конституционные иллюзии выступают на первый план тогда, когда кажется, что конституция есть, а на деле ее нет...» (стр. 36). Основную задачу пролетарской партии Ленин видел в борьбе с этими иллюзиями, в разъяснении рабочим и крестьянам, что главной формой остается по-прежнему непосредственная революционная борьба широких народных масс.

В ряде статей, вошедших в том, Ленин срывает маску с кадетов, требовавших небольших реформ, чтобы «успокоить» народ, разоблачает двуличие и трусость этих контрреволюционеров, прикрывавшихся фальшивыми фразами о демократизме. «Пролетариат борется, – буржуазия крадется к власти, – указывал Ленин. – Пролетариат разрушает самодержавие борьбой, – буржуазия цепляется за подачки слабейшего самодержавия. Пролетариат перед всем народом поднимает высоко знамя борьбы, – буржуазия – знамя уступочек, сделок и торгашества» (стр. 219).

В статьях «Дума и народ», «Кадеты мешают Думе обратиться к народу», «И торговаться не хотят!», «Помощь голодающим и думская тактика», «Кадетская Дума дала денег правительству погромщиков», «Смелый натиск и робкая защита» и др. Ленин показал, что интересы кадетской Думы противоположны интересам народных масс, что Дума выражает интересы буржуазии, тесно переплетающиеся с интересами царского правительства. Ленин вскрыл антинародный характер внесенных кадетами в Думу законопроектов, указал, что вопросы о земле и свободе может решить только революционная борьба трудящихся, а не Дума. Большое значение в разоблачении кадетской политики как сделки с самодержавием за счет народа имело

выступление Ленина на митинге в Народном доме Паниной 9 (22) мая 1906 года. Это было первое открытое выступление Ленина перед массами в России. В яркой, образной речи Ленин дал анализ обстановки, сложившейся в стране, четко сформулировал отношение большевиков к Думе, к думским партиям и группировкам. Участники митинга единогласно приняли резолюцию, предложенную Лениным. Резолюция разоблачала соглашательство кадетов, призывала рабочую и крестьянскую группы к самостоятельным действиям, решительно заявляла о необходимости революционной борьбы вне Думы. «Собрание выражает уверенность, – говорилось в ней, – что пролетариат по-прежнему будет стоять во главе всех революционных элементов народа» (стр. 94). Выступление Ленина на митинге в Народном доме Паниной оказало огромное революционизирующее воздействие на пролетарские массы.

В вошедших в том статьях «Плохие советы», «Как рассуждает т. Плеханов о тактике социал-демократии?», «Кто за союзы с кадетами?», «Кадетские подголоски» Ленин вскрыл позорную роль меньшевиков как прислужников кадетов, продающих «революционное первородство за чечевичную похлебку кадетского реформизма». Игнорируя классовую сущность Думы, меньшевики рассматривали ее как «центр сплочения» революционных сил, как лучшее средство для разрешения вопросов революции. В своей думской тактике они исходили из того, что революция закончилась и началась полоса мирного конституционного развития. Ленин показывает, что меньшевистская тактика вела к подчинению интересов пролетарской партии интересам буржуазии, к затемнению сознания рабочих и крестьян.

Решительно выступил Ленин против поддержанного меньшевиками кадетского лозунга создания «ответственного думского министерства». В статьях «Тактика пролетариата и задачи момента», «Пусть решают рабочие», «Борьба за власть и «борьба» за подачки», ««Что делаешь, делай скорее!»», «Переговоры о министерстве», «Еще о думском министерстве» и др., разоблачая идею кадетского министерства, Ленин показывает, что этот лозунг стал одним из средств развращения народа конституционными иллюзиями и являлся попыткой кадетов войти в соглашение с самодержавием.

Ленин писал, что думское или кадетское министерство – это лживая, двулика, зубатовская реформа. Все разговоры кадетов об исполнительной власти, ответственной перед народным представительством, являлись величайшей ложью. Создание кадетского министерства было бы новой либеральной ширмой самодержавия, переряживанием царского правительства в лжеконституционный костюм. Поддержка пролетариатом этого лозунга явилась бы отказом от борьбы, передачей дела свободы в руки либеральной буржуазии.

В том включены резолюции «Об отношении к Государственной думе» и «По вопросу о думском министерстве», принятые ПК РСДРП, которые явились тактической платформой большевиков в борьбе с меньшевиками по вопросу об отношении к Государственной думе. В этих резолюциях Ленин особое внимание уделил организации совместных действий рабочих и крестьян, подготовке решающего удара по самодержавию. В противовес лозунгу думского министерства Ленин выдвинул идею образования исполнительного комитета из состава революционных элементов Думы в целях объединения действий в борьбе против царского правительства. Резолюции ПК широко обсуждались на партийных собраниях Петербурга и были одобрены подавляющим большинством членов партии: за тактическую линию большевиков было подано 1760 голосов против 952, поданных за платформу меньшевистского ЦК. Ленинские резолюции были приняты межрайонной конференцией петербургской организации РСДРП, созванной в июне 1906 года Петербургским комитетом для выработки тактики пролетариата по отношению к Думе.

Статьи «Рабочая группа в Государственной думе», «Избирательная победа социал-демократов в Тифлисе», «По поводу обращения депутатов-рабочих», «К единству!», «По поводу декларации нашей думской фракции», «Выговоры буржуазии и призывы пролетариата», «Думские партии и народ» и др. написаны в связи с деятельностью первых рабочих парламентариев

в России. На IV съезде РСДРП меньшевики внесли предложение о создании в Думе социал-демократической фракции. Ленин выступил против этого предложения, указав, что партия не может давать свое представительство случайным, по сути дела, людям, ибо сознательный пролетариат не выбирал своих депутатов, бойкотировал выборы. Когда все же было решено создать социал-демократическую фракцию в Думе, съезд по настоянию большевиков принял особую инструкцию ЦК партии, которая фактически ставила деятельность социал-демократической фракции под контроль партийных организаций.

Социал-демократы депутаты I Думы придерживались меньшевистских взглядов. Они прошли в Думу не партийным путем, а посредством прямых или косвенных, молчаливых или признанных соглашений с кадетами.

Ленин стремился направить деятельность рабочих-депутатов по правильному пути, повседневно помогал им своими советами, отмечал их успехи, критиковал недостатки и ошибки. Серьезной ошибкой социал-демократической фракции считал Ленин ее декларацию, зачитанную в Думе 16 (29) июня 1906 года. Декларация признавала Думу центром общенародного движения, этапом борьбы за учредительное собрание. При выработке декларации социал-демократическая фракция отклонила проект, написанный Лениным (проект с некоторыми сокращениями приведен Лениным в статье «По поводу декларации нашей думской фракции»), и приняла за основу проект, одобренный меньшевистским ЦК. Ленинский проект давал марксистскую оценку обстановки в стране, излагал ближайшие задачи партии и пролетариата, указывал революционный путь решения важнейших вопросов экономической и политической жизни России. Вынося на суд масс разногласия по вопросу о декларации, Ленин отмечал, что социал-демократическая фракция, приняв неревolutionную декларацию, сделала значительный шаг вправо даже от решений IV съезда партии. «Конечно, мы вполне понимаем трудность положения новичков-парламентариев, — писал Ленин. — Мы прекрасно знаем, что надо снисходительно относиться к ошибкам тех из них, кто начинает переход от к.-д. к с.-д. Но если им суждено совершить этот переход до конца, то только путем открытой и прямой критики этих ошибок» (стр. 87).

Ленин призывал депутатов социал-демократов к самостоятельным и решительным выступлениям, выдвижению лозунгов последовательного демократизма и пролетарской классовой борьбы за социализм. Когда при обсуждении в Думе вопроса о помощи голодающим кадеты согласились передать решение этого вопроса в руки царского правительства, предлагая ассигновать министерству 15 млн. рублей, а социал-демократическая фракция не выступила против этого с протестом, Ленин в статье «Помощь голодающим и думская тактика», критикуя эту ошибку рабочих-депутатов, поставил перед ними задачу: разоблачить двойную игру кадетов, вскрыть тайны царского бюджета, по которому сотни миллионов рублей бросались на борьбу с революционным движением, на военные авантюры и т. д., выступить со своей резолюцией по продовольственному вопросу, чтобы закрепить за партией пролетариата сочувствие всех трудящихся масс. В дальнейшем социал-демократическая фракция сумела занять в этом вопросе правильную позицию. В своей резолюции рабочие-депутаты разоблачили правительство как истинного виновника голодовок. Они потребовали, чтобы удовлетворение нужд голодающих шло за счет сокращения жалованья чиновникам, доходов с кабинетских, удельных, церковных, монастырских имений и предложили не давать денег правительству погромщиков, а для помощи голодающим создать при Думе специальный комитет, члены которого должны на местах организовать из среды голодающих местные продовольственные комитеты. Выступив так, депутаты социал-демократы увлекли за собой трудовиков. Оценивая этот факт, Ленин в статье «Кадетская Дума дала денег правительству погромщиков» писал: «Политическая группировка еще и еще раз определяется отчетливо. Октябристы и кадеты за сделку с старой властью. С.-д. и трудовики решительно против» (стр. 253).

Благодаря постоянному воздействию большевиков, Ленина на социал-демократическую фракцию рабочие-депутаты при всей их непоследовательности сумели занять в Думе в целом ряде вопросов правильную позицию. Это был первый опыт работы большевиков с думской рабочей фракцией, причем в своеобразных, очень трудных условиях, когда фракция была меньшевистской по своему составу, и большевикам, не имевшим своих представителей в Думе, приходилось воздействовать на социал-демократических депутатов только извне, критикуя их ошибки и приветствуя их успехи в партийной печати и на рабочих собраниях. Именно в этот период впервые закладываются основы и вырабатываются важнейшие принципиальные положения думской тактики большевиков, с большим успехом примененной ими во II, III и IV Думах. Эта тактика являлась и является поныне образцом для коммунистических партий других стран в их парламентской деятельности, в их борьбе за сплочение революционно-демократических сил против сил реакции. Она обогащает их опытом сочетания легальных и нелегальных, парламентских и непарламентских форм борьбы, обогащает опытом руководства борьбой рабочего класса и всех демократических сил.

Ряд статей, вошедших в том («Крестьянская или «Трудовая» группа и РСДРП», «Вопрос о земле в Думе», «Ни земли, ни воли», «Вопрос о земле и борьба за свободу» и др.), посвящен одному из основных вопросов революции – аграрному вопросу. В период деятельности I Государственной думы, как и раньше, в борьбе за крестьянство столкнулись две силы: либеральная буржуазия и пролетариат. Перед большевиками стояла задача вырвать крестьянство из-под влияния кадетов, привлечь его на свою сторону, слить крестьянское и рабочее движение в одно русло. Ленин указывал, что крестьян больше всего интересует вопрос о земле, что решение этого вопроса зависит от того, за кем пойдет крестьянство: за буржуазией или за пролетариатом. Ленин разъяснял, что решить земельный вопрос можно и нужно не через Думу, а лишь революционным путем. Основным условием, обеспечивающим ликвидацию помещичьего землевладения и всех остатков крепостничества, являлось свержение царизма и проведение национализации земли. Требование национализации земли было составной частью ленинской теории перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую.

Царское правительство пыталось не допустить обсуждения аграрного вопроса в Думе. Но Дума не могла обойти этот вопрос, занимавший центральное место в политической и экономической жизни страны. В аграрном вопросе четко определилась позиция всех партий и групп в Думе. Кадетский аграрный проект («проект 42-х») предусматривал сохранение помещичьего землевладения, допуская отчуждение за выкуп лишь тех помещичьих земель, которые обрабатывались крестьянским инвентарем или сдавались в аренду. В статьях «Вопрос о земле в Думе», «Вопрос о земле и борьба за свободу» и др. Ленин разоблачил реакционную сущность «проекта 42-х», показал, что это была попытка повторить реформу 1861 года, заключить сделку с помещиками за счет крестьянства.

Крестьянские депутаты решительно высказались против кадетской программы. В противоположность «проекту 42-х» они внесли в Думу свой проект, «проект 104-х», в котором выдвинули требование принудительного отчуждения помещичьих, казенных, удельных, кабинетских, монастырских, церковных земель в целях создания «общенародного земельного фонда» для наделения крестьян землей «по трудовой норме». Ленин критиковал «уравнительность» проекта «104-х» как мелкобуржуазный утопический социализм, разъяснял, что вопрос о земле в рамках существующего строя решить нельзя, так как сохранение основ капитализма даже при самом «справедливом» разделении земли создаст вновь эксплуатацию и неравенство. В то же время Ленин указывал, что этот проект служит знаменем решительной борьбы против остатков крепостничества в России. Ленин подверг жесточайшей критике меньшевиков, которые считали кадетскую аграрную программу более прогрессивной, чем программу трудовиков. Основная ошибка меньшевиков, писал Ленин, заключается в том, что они не умеют выделить

из всей буржуазной демократии революционную демократию, что из-за боязни приблизиться к эсерам, они непомерно сближаются с кадетами.

Требования трудовиков, их выступления в Думе нашли широкий отклик во всей стране. Подавляющее большинство крестьян высказалось за национализацию земли. Ленин писал, что крестьяне требуют, по существу, не аграрной реформы, а аграрной революции.

Напуганное усилением революционного движения, правительство 20 июня (3 июля) 1906 года опубликовало заявление, в котором объявляло о неприкосновенности помещичьей собственности и недопустимости принудительного отчуждения земли. «Это, – писал Ленин, – настоящее объявление войны революции. Это – настоящий манифест реакционного самодержавия к народу: не потерплю! сокрушу!» (стр. 294). Ленин в статьях «Смелый натиск и робкая защита», «Думские партии и народ» подверг критике социал-демократическую фракцию за то, что она не сочла нужным в этот момент обратиться самостоятельно к народу и взять инициативу борьбы с правительством в свои руки. Социал-демократический проект обращения к народу, отмечал он, оказал бы чрезвычайно полезное действие на сплочение и развитие революционной борьбы, привлек бы на сторону социал-демократов лучшие элементы революционного крестьянства.

I Государственная дума при всей ее слабости и половинчатости решений не оправдала надежд правительства. 8 (21) июля 1906 года она была распущена. Либеральной буржуазии не удалось ограничить революционное движение узкими рамками убогой кадетской политики и направить революцию в русло парламентаризма. Бесплодная деятельность Думы и ее роспуск сыграли значительную роль в избавлении народа от конституционных иллюзий. Широкие массы трудящихся все более осознавали непримиримость старой власти с полновластным народным представительством. Рушились их надежды на мирный исход борьбы; все яснее становился единственно верный путь к свободе – путь насильственного свержения самодержавия.

В написанной в июле 1906 года брошюре «Роспуск Думы и задачи пролетариата», которая входит в настоящий том, Ленин дал политическую оценку роспуску I Государственной думы, призвал вести упорную подготовку масс к организованной и решительной борьбе. Ленин в этой работе говорит о необходимости готовить всеобщее выступление, удерживая рабочих от демонстративных забастовок и частичных выступлений, готовить всеобщую политическую стачку, с тем чтобы можно было перевести ее в вооруженное восстание. В брошюре «Роспуск Думы и задачи пролетариата», а также в статье «Политический кризис и провал оппортунистической тактики» Ленин подверг резкой критике тактическую линию меньшевиков после роспуска Думы. Вместо призыва масс к подготовке и организации вооруженного восстания меньшевики призывали к частичным проявлениям протеста против роспуска Думы. Разоблачая ошибочность подобных взглядов, Ленин указывал, что объективное положение вещей выдвинуло на очередь борьбу не за народное представительство, а за создание условий, при которых нельзя было бы разогнать или распустить народное представительство.

В ночь с 17 (30) на 18 (31) июля 1906 года вспыхнуло военное восстание в крепости Свеаборг, а вслед за ним восстания в Кронштадте и на крейсере «Память Азова» в Ревеле. За день до стихийно вспыхнувшего восстания в Свеаборге состоялось заседание Исполнительной комиссии ПК РСДРП, на котором было принято написанное Лениным постановление о посылке делегации в Свеаборг (см. стр. 328). Этой делегации было поручено выяснить положение дел на месте, добиться отсрочки выступления. В случае же невозможности предотвратить восстание делегация должна была принять в нем самое деятельное участие: помочь восставшим организовать, сломить силы реакции, выступить с правильными и действительно революционными, способными увлечь весь народ лозунгами. Но восстания в Свеаборге, Кронштадте, в Ревеле, начавшиеся преждевременно, были быстро подавлены. Несмотря на поражение, эти восстания продемонстрировали огромную энергию и решимость революционно настроенных солдат и матросов.

Большевики призвали рабочий класс, революционное крестьянство и передовую часть войск учитывать опыт вооруженных столкновений, настойчиво и решительно готовиться к борьбе с самодержавием. Неслучайно в этот период Ленин в своих работах обращается к событиям декабрьского вооруженного восстания в Москве и призывает глубоко изучать исторический опыт борьбы московского пролетариата в декабре 1905 года. В том входят статьи Ленина «Уроки московского восстания», «Руки прочь!», которые посвящены вопросам организации и тактики вооруженного восстания.

Работа «Уроки московского восстания» явилась важным этапом в развитии марксистской теории вооруженного восстания. В ней Ленин, всесторонне анализируя конкретные события вооруженной борьбы в декабре 1905 года, вскрывая источники силы и слабости московского восстания, делает важные теоретические обобщения и практические выводы относительно организации и руководства восстанием со стороны пролетарской партии, а также форм, методов, приемов вооруженной борьбы рабочего класса в революции.

В «Уроках московского восстания» Ленин, опираясь на известное положение Маркса и Энгельса о том, что к восстанию надо относиться как к искусству, впервые всесторонне освещает этот вопрос в связи с новой исторической обстановкой, новыми условиями борьбы пролетариата. Разработанные в этой статье положения о руководстве восстанием получили свое дальнейшее развитие и конкретизацию в последующих произведениях Ленина и особенно в его работах периода подготовки Великой Октябрьской социалистической революции: «Большевики должны взять власть», «Марксизм и восстание», «Советы постороннего».

В статье «Уроки московского восстания» Ленин разоблачил капитулянтское поведение меньшевиков, стремившихся использовать поражение декабрьского восстания как доказательство правильности их оппортунистической линии, направленной на отказ от руководства восстанием. На заявление Плеханова, подхваченное всеми оппортунистами: «не нужно было браться за оружие», Ленин отвечал: «Напротив, нужно было более решительно, энергично и наступательно браться за оружие, нужно было разъяснять массам невозможность одной только мирной стачки и необходимость бесстрашной и беспощадной вооруженной борьбы» (стр. 371–372).

В этой работе Ленин уделяет большое внимание вопросу о перерастании всеобщей стачки в высшую форму классовой борьбы пролетариата – в вооруженное восстание. Переход массовой пролетарской борьбы в декабре 1905 года от стачки к восстанию Ленин назвал величайшим историческим приобретением русской революции.

Необходимым условием победы восстания Ленин считал решительную, упорную и оперативную борьбу за привлечение войска на сторону революции. Критикуя меньшевиков, проповедовавших пассивное ожидание того момента, когда войско станет революционным, Ленин на примере московского восстания показал, что переход войска на сторону восставших не может осуществляться как единичный акт – нужна смелая наступательная борьба за него.

В работе «Уроки московского восстания» Ленин подробно останавливается на вопросах тактики и организации сил восстания. Отмечая указания Ф. Энгельса о том, что военная тактика зависит от уровня военной техники, Ленин говорит о новой баррикадной тактике, выдвинутой в декабре 1905 года, – тактике партизанской войны. Эта тактика обусловила появление соответствующих ей новых форм военной организации восставших – создание подвижных, мелких отрядов: десятков, троек и даже двоек. Подчеркивая всю важность изучения новой тактики вооруженной борьбы, Ленин в то же время требовал беспощадного разоблачения «босых» извращений этой тактики партизанской войны. Об этом Ленин говорит также в написанных в то время статьях «К событиям дня» и «О партизанском выступлении ППС», в которых решительно разоблачались как извращения мелкобуржуазными партиями (ППС, эсерами) тактики партизанских выступлений, так и попытки меньшевиков дискредитировать тактику партизанских выступлений вообще.

Ленин связывал декабрьское восстание 1905 года с революционными событиями 1906 года. Он отмечал, что это восстание «имело свое продолжение в виде целого ряда разрозненных и частичных военных восстаний и стачек лета 1906 года. Лозунг бойкота виттевской Думы был лозунгом борьбы за сосредоточение и обобщение этих восстаний» (Сочинения, 4 изд., том 13, стр. 7).

После того как самодержавие сумело отразить революционную волну весны – лета 1906 года, подавить восстания в Свеаборге и Кронштадте, перед большевиками встала задача изменить в соответствии с новой обстановкой свою тактику и, в частности, пересмотреть вопрос о бойкоте Думы. В августе 1906 года в статье «О бойкоте» Ленин писал: «Теперь как раз наступило время, когда революционные с.-д. должны перестать быть бойкотистами. Мы не откажемся пойти во вторую Думу, когда (или: «если») она будет созываться. Мы не откажемся использовать эту арену борьбы, отнюдь не преувеличивая ее скромного значения, а, напротив, всецело подчиняя ее, на основании данного уже историей опыта, другого рода борьбе – посредством стачки, восстания и т. п.» (настоящий том, стр. 343).

Выработанная Лениным думская тактика большевиков имела большое значение для сохранения партии как массовой пролетарской организации, для политического воспитания рабочего класса. Важнейшей задачей большевистской думской тактики была борьба за высвобождение крестьянства из-под влияния либеральной буржуазии, за создание в Думе революционного блока представителей пролетариата и крестьянства. Эта тактика сыграла важную роль в укреплении союза рабочего класса и крестьянства в революционной борьбе 1905–1907 годов.

* * *

В тринадцатый том включаются пять новых заметок «Среди газет и журналов», написанных В. И. Лениным для отдела обзоров печати газеты «Эхо». Эти полемические заметки, чрезвычайно яркие по своему содержанию, посвящены злободневным вопросам политической жизни страны и показательны для такого вида литературных работ Ленина.

Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

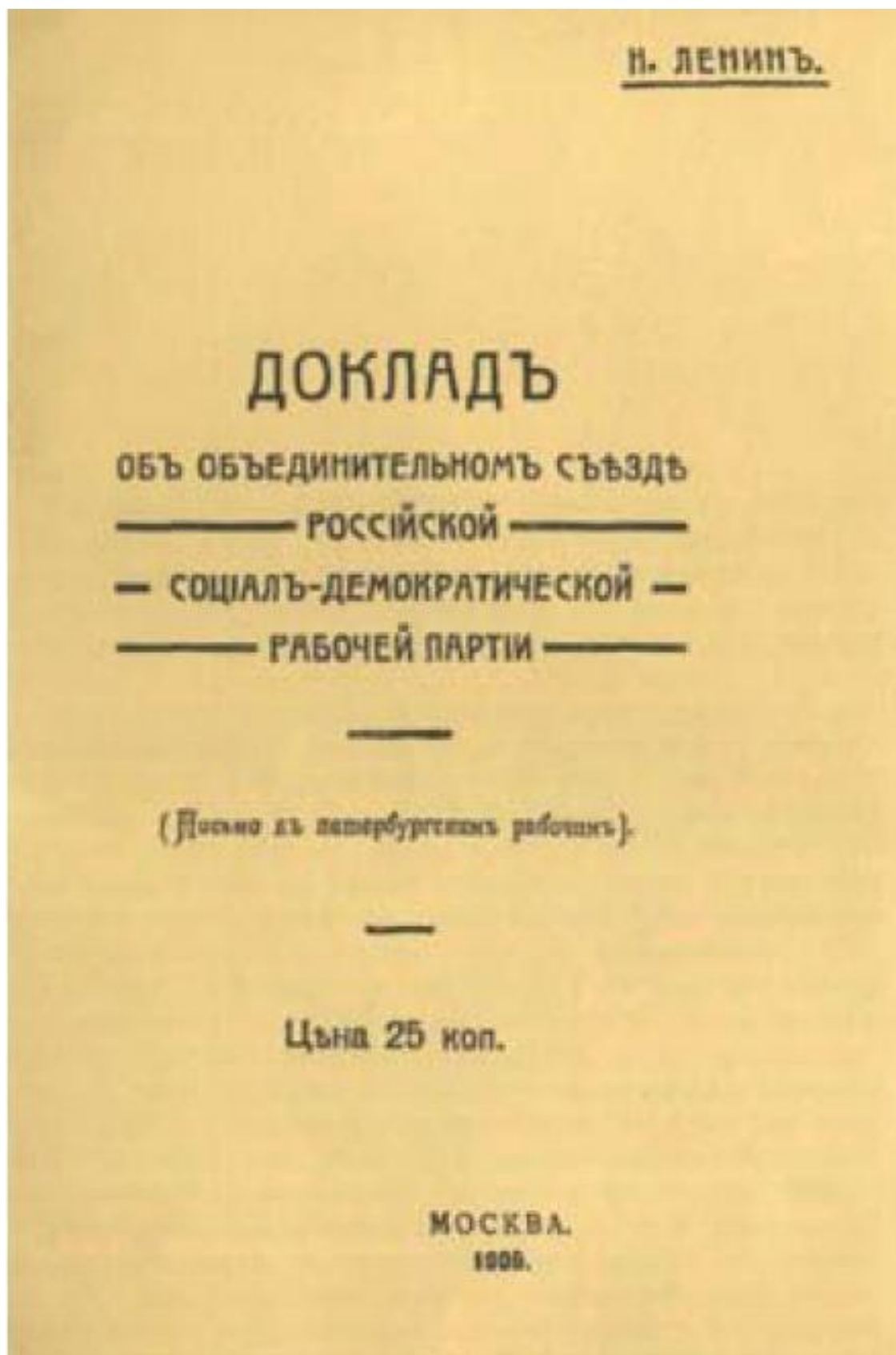
1906 г.

**Доклад об объединительном съезде
РСДРП (письмо к петербургским рабочим)^[1]**

Написано в первой половине мая 1906 г.

Напечатано в июне 1906 г. в Москве отдельной брошюрой

Печатается по тексту брошюры

Обложка брошюры В. И. Ленина «Доклад об Объединительном съезде Российской социал-демократической рабочей партии». – 1906 г. (Уменьшено)

Товарищи! Вы выбрали меня делегатом на Объединительный съезд РСДРП^[2]. Не имея возможности лично явиться в настоящее время в Петербург, я позволю себе письменно представить мой доклад о съезде и изложить попутно некоторые мысли по поводу съезда.

Прежде чем переходить к делу, должен сделать одну важную оговорку. Запомнить в точности все происшедшее на съезде, состоявшем из 120 или более человек и имевшем около 30 заседаний, совершенно невозможно. Будучи занят в бюро съезда в качестве одного из председателей, участвуя кроме того в некоторых комиссиях, я не мог вести записей во время съезда. Положиться без записей всецело на свою память невозможно. Ряд отдельных эпизодов и отдельных речей на съезде я прямо-таки не слыхал, отсутствуя из залы заседаний вследствие работы в комиссии или по случайным и личным причинам М. Опыт предыдущих съездов (II и III)^[3], которые были меньше по числу делегатов, показал мне, что даже при напряженном внимании нет никакой возможности составить на память точной картины съезда. Когда выходили в свет протоколы II и III съезда, я читал эти протоколы, как новые книги, хотя участвовал сам на съезде, ибо эти книги, действительно, давали мне немало нового и заставляли исправлять целый ряд неточных или неполных личных впечатлений от съезда. Поэтому я усиленно прошу иметь в виду, что настоящее письмо есть лишь черновой набросок доклада, подлежащего во всяком случае исправлению на основании протоколов съезда.

I. Состав съезда

Начну с общего состава съезда. Делегаты с решающими голосами выбирались, как известно, по одному на 300 членов партии. Всего таких делегатов было около 110 – в начале съезда, кажется, немного меньше (не все съехались); в конце чуть ли не до 113. С совещательными голосами было 5 редакторов ЦО (3 от «меньшинства» и 2 от «большинства», ибо я получил от вас мандат с решающим голосом) и пять, если я не ошибаюсь, членов ОЦК. Затем с совещательным голосом были делегаты организаций, не получившие решающего голоса, некоторые особо приглашенные на съезд (два члена «аграрной комиссии»^[4], затем Плеханов и Аксельрод, потом тов. Акимов и некоторые др.). С совещательными голосами были также некоторые делегаты крупных организаций, имевших более 900 рабочих (от Питера, от Москвы, от южной областной организации и пр.). Наконец, с совещательным голосом были представители национальных с.-д. партии: трое от польской социал-демократии^[5], по столько же от латышской^[6] и от еврейской (Бунд)^[7], один от Украинской с.-д. рабочей партии (это название приняла, как оказывается, на последней своей конференции Революционная украинская партия^[8]). Итого человек 30, или немного больше, с совещательными голосами. Всего, значит, не 120, а свыше 140 человек.

По своему «направлению» в отношении тактической платформы или, если хотите, по своей фракционной позиции делегаты с решающим голосом распределялись приблизительно так: 62 меньшевика и 46 большевиков. По крайней мере, мне наиболее запомнились эти цифры из всех многочисленных «фракционных» голосований съезда. Часть делегатов, конечно, была неопределенна или колебалась по некоторым вопросам, – так называемый на парламентском языке «центр», или «болото». На съезде этот «центр» был особенно слаб, хотя некоторые из товарищей, относимые мной, на основании голосований, к меньшевикам, и претендовали на звание «примиренцев», или «центра». Из сколько-нибудь серьезных голосований съезда мне памятно лишь одно (голосование по вопросу о соединении Бунда с партией), когда эти «меньшевики-примиренцы» голосовали действительно не фракционно. Об этом голосовании, когда вполне фракционные меньшевики были побеждены большинством в 59, помнится, голосов, я скажу подробно ниже.

Итак, 62 и 46. Съезд был меньшевистский. Меньшевики имели прочное и обеспеченное преобладание, позволявшее даже им заранее сговариваться и предпринимать таким образом

постановления съезда. Эти частные сговоры на фракционных собраниях вполне естественны, в сущности, при наличии определенного компактного большинства, и, когда некоторые делегаты, особенно из так называемого центра, жаловались на это, я называл это в беседах с делегатами «жалобой центра на свою собственную слабость». На съезд вопрос о фракционных собраниях попытались внести, но он был снят, ибо оказалось фактически, что фракции все равно сплотились, на фракционные собрания стало возможным допускать и посторонних, сделать эти собрания «открытыми»^[9]. Ко времени окончания съезда, например, вопрос о составе ЦК, как видно будет ниже, решен был в сущности не выборами на съезде, а простым «соглашением» фракций. Не стану оценивать этого явления. Оплакивать его, по-моему, бесполезно, ибо оно было совершенно неизбежно, пока не изжиты еще старые фракционные деления.

Относительно внутренних различий внутри фракций замечу, что таковые проявились заметно лишь по аграрному вопросу (часть меньшевиков была против муниципализации, большевики же делились на «рожковистов», сторонников раздела и сторонников конфискации с национализацией при условии республики) и по вопросу о соединении с Бундом. Далее, бросалось в глаза полное отсутствие среди меньшевиков того течения, которое ярко проявилось в «Начале»^[10] и которое в партии привыкли связывать с именами тт. Парвуса и Троцкого. Правда, возможно, что «парвусисты» и «троцкисты» среди меньшевиков были, — меня, например, уверяли, что их было человек до 8, — но, за снятием вопроса о временном революционном правительстве, им не удалось проявить себя. Вероятнее, однако, что вследствие общего поворота меньшевиков на съезде к Плеханову, с «Дневниками»^[11] которого они не соглашались до съезда, и «парвусисты» сделали некоторый шаг вправо. Мне припоминается всего один эпизод, когда, может быть, «парвусисты» среди меньшевиков заставили повернуть немного всех меньшевиков. Это именно инцидент по вопросу о вооруженном восстании. Плеханов, глава комиссии, изменил старую меньшевистскую резолюцию, написав вместо «вырвать власть» (речь шла в этом месте резолюции о задачах движения) — «вырвать права силой» (или «завоевать права» — не помню точно). Оппортунизм этой поправки до того бил в лицо, что протесты на съезде раздавались самые горячие. Мы напали на поправку с удвоенной силой. Ряды меньшевиков дрогнули. Не знаю в точности, были ли фракционные собрания, и что было на них; не знаю, верно ли переданное мне сообщение, что десять меньшевиков, склоняющихся к «парвусизму», заявили об их решительном несогласии с поправкой. Факт тот, что Плеханов, после споров на съезде, сам снял поправку, не допустив вопроса до голосования, снял под тем (дипломатически, может быть, и искусным, но встреченным улыбками) предлогом, что не стоит особенно спорить из-за «стилистики». Наконец, чтобы закончить вопрос о составе съезда, скажу еще о мандатной комиссии (комиссии по проверке состава съезда). Их было две, ибо первая, выбранная съездом, вышла целиком в отставку^[12]. Факт этот из ряда вон выходящий, невиданный на прежних съездах. Он во всяком случае свидетельствует о чем-то в высокой степени ненормальном по части работы проверки состава съезда. Помню, что председателем первой комиссии был примиренец, внушавший первоначально доверие и нашей фракции. Если он не смог связать в одно целое своей комиссии, если ему со всей первой комиссией пришлось выйти в отставку, значит, примиренец был не в силах примирить. Подробности съездовской борьбы из-за докладов мандатной комиссии наиболее ускользнули от моего внимания. Борьба была не раз очень горяча, мандаты большевиков кассировались, страсти разгорались, дело дошло до взрыва при отставке первой комиссии, — но я как раз в этот момент не был в зале заседания. Запомнился мне еще один, по-видимому, довольно крупный факт, связанный с определением состава съезда. Это — протест тифлисских рабочих (числом, кажется, до 200) против полномочий тифлисской делегации, которая была почти сплошь меньшевистская и по численности своей выделялась из ряда вон, доходя, кажется, до 11 человек. Протест этот читался на съезде и, следовательно, должен быть в протоколах^[13].

Работы мандатных комиссий тоже должны быть изложены в протоколах, если только эти комиссии выполнили свою работу сколько-нибудь внимательно и составили настоящий отчет о проверке полномочий и о всех выборах на съезд. Будет ли это сделано, появится ли отчет в протоколах, я не знаю. Если нет, тогда будет стоять вне сомнения, что комиссии отнеслись к своей задаче не с должным вниманием и тщательностью. Если да, – возможно, что мне придется многое исправить из сказанного выше, ибо в таком не принципиальном, а чисто конкретном и деловом вопросе, особенно легко ошибиться при составлении общих впечатлений и особенно важно внимательное изучение документов.

Кстати, чтобы исчерпать все формальные вопросы и перейти скорее к более интересным принципиальным, скажу и о протоколах. Боюсь, что и в этом отношении съезд наш окажется хуже и второго и третьего. На обоих этих съездах протоколы были целиком утверждены съездом. На Объединительном съезде впервые оказалась такая неисполнительность секретарей, такая спешка закончить съезд (несмотря на снятие целого ряда вопросов громадной важности с порядка дня съезда), что на съезде *не были* утверждены все протоколы. Протокольная комиссия (2 меньшевика и 2 большевика) выходит с этого съезда с невиданно-широкими и расплывчатыми полномочиями: утвердить незаконченные протоколы. В случае разногласий она должна апеллировать к находящимся в Питере делегатам съезда. Все это весьма печально. Боюсь, что таких хороших протоколов, как II и III съездов, мы не получим. Правда, было у нас двое стенографистов, и некоторые речи получатся почти в полном виде, а не в виде конспектов, как раньше, – но о полной стенограмме прений на съезде не может быть и речи, ибо двоим стенографистам такая работа была абсолютно не под силу, как они неоднократно и заявляли съезду. Я, в качестве председателя, особенно настаивал на том, чтобы секретари дали во что бы то ни стало хорошие, хотя бы совсем краткие конспекты: пусть, дескать, стенограммы отдельных речей явятся роскошным дополнением протоколов, но надо, чтобы была основа, чтобы не отдельные речи, а все без исключения прения имелись хотя бы в виде конспектов^[14].

II. Выборы бюро. Порядок дня съезда

Перейду теперь к рассказу о работах съезда в порядке заседаний. Голосование о выборе бюро было первым голосованием, которое, в сущности, предreshало (как это ни странно покажется далеко стоящим от дела лицам) все важнейшие голосования съезда. Около 60 голосов (чуть ли не 58, если память мне не изменяет) голосовали за Плеханова и Дана, оставляя часто пустые места в записках вместо третьего кандидата. Голосов 40 с чем-то или около 40 было за меня. Затем «центр» проявил себя, прибавив по десятку или по полтора десятку голосов то тому, то другому кандидату. Прошли: Плеханов, кажется, 69 голосами (или 71?), Дан – 67 и я – 60.

По вопросу о порядке дня съезда прения два раза принимали интересный характер, проливая большой свет на состав и характер съезда. Сюда относятся, во-1-х, прения насчет того, ставить ли на первое место вопрос о соединении с национальными с.-д. партиями. Национальные партии хотели, конечно, этого. Мы также были за. Меньшевики провалили это, мотивируя так: пусть-де, сначала РСДРП самоопределится, а потом сливается с другими, пусть «мы» сначала определим сами, *каковы* «мы», а потом сольемся с «ними». На этот (психологически вполне понятный и «с фракционно-меньшевистской точки зрения правильный») довод мы возражали: не странно ли отказать национальным партиям в праве самоопределяться *вместе* с нами? Если «они» сливаются с «нами», то «мы» вместе, включая и их, будем и должны, определять, *каковы* «мы». Надо заметить еще, что относительно польской социал-демократии объединенный ЦК заключил еще до съезда договор о полном слиянии. Тем не менее постановку этого вопроса на первое место провалили. Товарищ Варшавский, член польской делегации, говорил против этого настолько откровенно, что воскликнул даже, при общих улыбках съезда,

обращаясь к меньшевикам: вы хотите сначала «съесть» или «зарезать» большевиков, а потом соединиться с нами! Это была, конечно, шутка, и я менее всего склонен придирается к «страшным словам», вроде слова «съесть», но шутка эта в рельефной форме выразила очень меткую оценку оригинальной политической ситуации.

Второй интересный спор был о том, включать ли в порядок дня съезда вопрос о современном моменте нашей революции и о классовых задачах пролетариата. Мы, большевики, были, конечно, за – согласно нашему заявлению¹ в № 2 «Партийных Известий»^[15]. С принципиальной точки зрения не могло быть и речи о том, чтобы обойти коренной вопрос, идет ли действительно революция к подъему, и какие формы революционного движения являются теперь, в силу объективных условий момента, главными, какие задачи пролетариата вытекают отсюда. Споря против включения этого вопроса вообще в порядок дня съезда, меньшевики попали в положение, которому трудно позавидовать. Их доводы вроде того, что это вопрос теоретический, что нельзя связывать партию резолюциями по таким вопросам и т. п., прямо поражали своей искусственностью и сочиненностью. Раздался смех, когда в ответ на речь чуть ли не Дана, распинавшегося против включения этого вопроса в порядок дня, один из ораторов вынул № 2 «Партийных Известий» и спокойно прочел «роковые слова» меньшевистской тактической платформы: «мы» – именно мы, меньшевики, – «мы признаем и *предлагаем съезду признать*». Как же это так, товарищи? спрашивал оратор. Вчера «мы предлагали съезду признать», а сегодня «мы предлагаем съезду» не обсуждать этого вопроса? Вопрос был поставлен в порядок дня съезда, но меньшевики впоследствии все же таки настояли, как увидим ниже, на своем.

III. Аграрный вопрос

Аграрный вопрос или, вернее, вопрос об аграрной программе был поставлен съездом в первую очередь. Прения были большие. Выдвинулась масса интереснейших принципиальных вопросов. Докладчиков было пятеро: я защищал проект аграрной комиссии (напечатанный в брошюре: «Пересмотр аграрной программы рабочей партии»)² и нападал на муниципализацию Маслова. Тов. Джон защищал эту последнюю. Третий докладчик, Плеханов, защищал Маслова и пытался уверить съезд, что ленинская национализация – эсеровщина и народовольчество. Четвертый докладчик, Шмидт, защищал проект аграрной комиссии с поправками в духе «варианта А» (см. этот вариант в названной выше брошюре³). Пятый докладчик, Борисов, защищал раздел. Его программа была оригинальна по построению, но по существу примыкала всего ближе к нашей, с заменой национализации, обусловленной созданием республики, разделом земель в собственность крестьян.

Само собой разумеется, что изложение всех подробностей обширнейших прений непосильно для меня в этом отчете. Постараюсь обрисовать лишь главное, т. е. сущность «муниципализации» и доводы против обусловленной учреждением республики и прочее национализации. Замечу при этом, что в центре всех прений встала плехановская постановка вопроса, благодаря ее полемической резкости, всегда выгодной и желательной с точки зрения отчетливого разделения коренных тенденций того или иного направления мысли.

В чем состоит сущность «муниципализации»? В передаче помещичьих земель (или точнее: всех земель крупного частновладения) в руки земств или вообще органов местного самоуправления. Крестьянские наделные земли и земли мелких собственников должны остаться в их собственности. Крупные имения «отчуждаются» и поступают во владение демократи-

¹ См. Сочинения, 5 изд., том 12, стр. 223. *Ред.*

² Сочинения, 5 изд., том 12, стр. 269–270. *Ред.*

³ Там же, стр. 269. *Ред.*

чески организованных органов местного самоуправления. Попросту можно это выразить так: крестьянские земли пусть будут крестьянской собственностью, а помещичьи земли пусть крестьяне снимают в аренду у земств, только демократических земств.

В качестве первого докладчика, я высказывался решительно против этого проекта. Он не революционен. На него не пойдут крестьяне. Он вреден, ежели нет вполне последовательного демократического государственного строя, вплоть до республики, выборности чиновников народом, уничтожения постоянной армии и т. д. Таковы были три моих главных довода.

Я считаю этот проект не революционным, во-первых, потому, что в нем вместо конфискации (отчуждение без выкупа) говорилось об отчуждении вообще; во-вторых, и это главное, потому, что в этом проекте нет призыва к *революционному способу* осуществления аграрного переворота. Фразы о демократизме еще ровно ничего не говорят в такое время, когда лицемерные соглашатели самодержавия с народом, кадеты^[16], называют себя демократами. Всякие способы аграрного переворота сведутся к либерально-чиновничьей *реформе*, к кадетской реформе, а не к крестьянской революции, если не поставить лозунгом *немедленный* захват земель самими крестьянами сейчас же на месте, т. е. именно революционными крестьянскими комитетами, с тем, чтобы крестьяне же сами и *распоряжались* этими захваченными⁴ землями впредь до созыва всенародного учредительного собрания. Без этого лозунга у нас будет программа кадетской или полукadetской, аграрной реформы, а не крестьянской революции.

Далее. На муниципализацию не пойдут крестьяне. Муниципализация означает: надельные земли возьми себе даром, а за помещичьи плати аренду земству. Революционные крестьяне не пойдут на это. Они скажут либо: поделим все земли между собой, либо: сделаем все земли собственностью всего народа. Лозунг муниципализации никогда не станет лозунгом революционного крестьянства. Если революция победит, — тогда она *ни в каком случае* не может остановиться на муниципализации. Если революция не победит, тогда из «муниципализации» выйдет лишь новое обьегорование крестьян по типу реформы 1861 года^[17].

Третий мой основной довод. Муниципализация вредна, если обусловить ее «демократизмом» вообще, а не специально республикой и выборностью чиновников народом. Муниципализация есть отдача земли органам местной власти, органам самоуправления. Если центральная власть не будет *вполне* демократической (республика и пр.), тогда местные власти смогут остаться лишь в мелочах «автономны», лишь в вопросе о лужении умывальников самостоятельны, лишь настолько «демократичны», насколько были «демократичны», скажем, наши земства при Александре III. В вопросах же важных, и особенно в таком коренном вопросе, как помещичье землевладение, демократизм местных властей против недемократической центральной власти есть игрушка. Если нет республики и выбора чиновников народом, то муниципализация значит: отдать помещичьи земли местным выборным властям, хотя бы даже центральная власть оставалась у Трепова и Дубасова. Такая реформа будет игрушкой и вредной игрушкой, ибо Треповы и Дубасовы оставят за выборными местными властями право устраивать водопроводы, электрички и пр., но никогда *не смогут* оставить за ними отобранных у помещиков земель. Треповы и Дубасовы *перечислят* тогда эти земли из «ведомства» земств в «ведомство» министерства внутренних дел, и крестьяне окажутся трижды одураченными. Надо звать к свержению Треповых и Дубасовых, к выборам всех чиновников народом, а не рисовать, вместо этого и до этого, игрушечных моделей какой-то либеральной местной реформы.

⁴ В моем проекте сказано «конфискованными». Тов. Борисов верно заметил, что это ошибочная формулировка. Надо сказать: «захваченными». Конфискация есть юридическое признание захвата, утверждение его законом. Мы должны ставить лозунг конфискации. Для осуществления его мы должны звать крестьян к *захвату*. Этот крестьянский захват должен быть признан, узаконен всенародным учредительным собранием, которое, как высший орган самодержавия народа, сделает из захвата *конфискацию* на основании закона, изданного учредительным собранием.

Каковы же были плехановские доводы в защиту муниципализации? Больше всего выдвигал он в своих обеих речах вопрос о *гарантии от реставрации*. Этот оригинальный довод состоял в следующем. Национализация земли была экономической основой московской Руси допетровской эпохи. Наша теперешняя революция, как и всякая другая революция, не содержит в себе гарантий от реставрации. Поэтому в интересах избежания реставрации (т. е. восстановления старого, дореволюционного порядка) следует особенно остерегаться именно национализации.

Этот довод Плеханова показался меньшевикам чрезвычайно убедительным, и они восторженно хлопали Плеханову, особенно за «крепкие словечки» по адресу национализации (эсеровщина и т. п.). А между тем, если немножечко подумать, легко убедиться, что довод этот сводится к чистой софистике.

В самом деле, взгляните сначала на эту «национализацию в московской, допетровской Руси». Не будем уже говорить о том, что исторические воззрения Плеханова состоят в утрировке либерально-народнического взгляда на московскую Русь. Говорить о национализации земли в допетровской России серьезно не доводится, — сошлемся хотя бы на Ключевского, Ефименко и др. Но оставим эти исторические изыскания. Допустим на минуту, что в московской, допетровской Руси, в XVII веке, существовала действительно национализация земли. Что отсюда следует? По логике Плеханова отсюда следует, что ввести национализацию, значит облегчить реставрацию московской Руси. Но такая логика есть именно софизм, а не логика, или игра в слова, без анализа экономической основы явлений или экономического содержания понятий. Поскольку в московской Руси была (или: если в московской Руси была) национализация земли, постольку экономической основой ее был *азиатский способ производства*. Между тем, в России со второй половины XIX века укрепился, а в XX веке стал уже безусловно преобладающим *капиталистический способ производства*. Что же остается от довода Плеханова? Национализацию, основанную на азиатском способе производства, он смешал с национализацией, основанной на капиталистическом способе производства. Из-за тождества слов он просмотрел коренное различие экономических, именно производственных, отношений. Строя свою аргументацию на реставрации московской Руси (т. е. якобы реставрации азиатских способов производства), он на самом деле говорил о реставрации политической, вроде реставрации Бурбонов (на которую он ссылался), т. е. о реставрации антиреспубликанской формы правления на почве капиталистических отношений производства.

Было ли на съезде указано Плеханову, что он запутался? Было. Товарищ, называвшийся на съезде Демьяном, сказал в своей речи, что не вышло у Плеханова ровно ничего из той «реставрации», которой он вздумал нас пугать. Из посылок его аргументации вытекает реставрация московской Руси, т. е. реставрация азиатского способа производства, т. е. чистейшая бессмыслица в эпоху капитализма. Из выводов же его и примеров вытекает реставрация Наполеоном империи или реставрация Бурбонов после великой французской буржуазной революции. Но такая реставрация не имела ничего общего с докапиталистическими способами производства. Это во-первых. А во-вторых, *такая* реставрация последовала как раз не за национализацией земли, а за распродажей помещичьих земель, т. е. за мерой архибуржуазной, чисто буржуазной и безусловно укрепляющей буржуазные, т. е. капиталистические, отношения производства. Значит, к вопросу о национализации *ни одна* реставрация, припутанная Плехановым, абсолютно к делу не относится, ни реставрация азиатского способа производства (реставрация московской Руси), ни реставрация XIX века во Франции.

Что же ответил т. Плеханов на эти совершенно неопровержимые доводы тов. Демьяна? Он ответил необыкновенно ловко. Ленин — эсер, — воскликнул он, — а товарищ Демьян кормит меня какой-то Демьяновой ухой.

Меньшевики были вне себя от удовольствия. Они хохотали до упаду над блестящей остроумностью Плеханова. Громы аплодисментов потрясли залу заседания. Вопрос о том, сумел

ли Плеханов свести концы с концами со своей реставрацией, был снят раз навсегда с меньшевистского съезда.

Я далек, разумеется, от мысли отрицать, что ответ Плеханова был перлом не только блестящего остроумия, но, если хотите, и марксистского глубокомыслия. Но я все же позволю себе думать, что тов. Плеханов беспомощно запутался между реставрацией московской Руси и реставрацией XIX века во Франции. Я позволяю себе думать, что «Демьянова уха» станет «историческим выражением» не по отношению к тов. Демьяну (как думают упоенные блеском плехановского остроумия меньшевики), *а по отношению к тов. Плеханову*. По крайней мере, на Объединительном съезде некоторые делегаты говорили по поводу речей Плеханова о «сборной селянке по-московски» и о «колбасных острогах», когда тов. Плеханов по вопросу о захвате власти в современной русской революции потешал своих меньшевиков анекдотом про коммунара в каком-то провинциальном городке Франции, закусывавшего колбасой после неудачного «захвата власти».

На съезде я был, как уже замечено выше, первым докладчиком по аграрному вопросу. Заключительное слово дали мне не последнему, а тоже первому из всех пяти докладчиков. Поэтому я говорил *после* тов. Демьяна и *до* тов. Плеханова. Следовательно, предвидеть гениальной защиты Плеханова против доводов Демьяна я не мог. Я вкратце лишь повторил эти доводы и центр тяжести перенес не на указание полной бессодержательности рассуждения о реставрации, как аргумента за муниципализацию, а на разбор по существу вопроса о реставрации. О каких гарантиях от реставрации идет речь? – спрашивал я тов. Плеханова. Об абсолютной ли гарантии, в смысле устранения той экономической основы, которая порождает реставрацию? Или об относительной и временной гарантии, т. е. о создании политических условий, не устраняющих самой возможности реставрации, а лишь делающих таковую менее вероятной, лишь затрудняющих реставрацию? Если о первой, то я отвечу: полной гарантией от реставрации в России (после победоносной революции в России) может быть *исключительно* социалистический переворот на Западе. Другой гарантии нет и быть не может. Значит, с этой стороны вопрос сводится к тому, как именно и чем именно может буржуазно-демократическая революция в России облегчить или ускорить социалистическую революцию на Западе. Ответ на этот вопрос мыслим лишь один: если жалкое 17-ое октября^[18] вызвало сильный подъем рабочего движения в Европе, то *полная* победа буржуазной революции в России вызовет почти неминуемо (или, по крайней мере, по всей вероятности) ряд таких политических потрясений в Европе, которые будут сильнейшим толчком к социалистической революции.

Теперь посмотрим на «вторую», т. е. относительную, гарантию от реставрации. В чем состоит экономическая основа реставрации на базисе капиталистического способа производства, т. е. не юмористической «реставрации московской Руси», а реставрации по типу французской начала XIX века? В положении мелкого товаропроизводителя во всяком капиталистическом обществе. Мелкий товаропроизводитель колеблется между трудом и капиталом. Вместе с рабочим классом он борется против крепостничества и полицейского самодержавия. Но в то же время он тяготеет к укреплению своей собственнической позиции в буржуазном обществе и поэтому, если условия развития *этого* общества складываются сколько-нибудь благоприятно (напр., промышленное процветание, расширение внутреннего рынка вследствие аграрного переворота и т. п.), то мелкий товаропроизводитель *неизбежно* поворачивает против пролетария, который борется за социализм. Следовательно, говорил я, реставрация на основе мелкого товарного производства, мелкой крестьянской собственности в капиталистическом обществе не только возможна в России, но даже *неизбежна*, ибо Россия – страна по преимуществу мелкобуржуазная. Положение русской революции, с точки зрения реставрации, можно выразить, говорил я дальше, таким положением: русская революция имеет достаточно своих собственных сил, чтобы победить. Но у нее недостаточно сил, чтобы удержать плоды победы. Победить она может, ибо пролетариат вместе с революционным крестьянством может соста-

вить непреодолимую силу. Удержать за собой победы она не может, ибо в стране с громадным развитием мелкого хозяйства мелкие товаропроизводители (крестьяне в том числе) неизбежно повернут против пролетария, когда он *от* свободы пойдет к социализму. Чтобы удержать за собой победу, чтобы не допустить реставрации, русской революции нужен нерусский *резерв*, нужна помощь со стороны. Есть ли такой резерв на свете? Есть: социалистический пролетариат на Западе.

Кто говорит о реставрации, забывая об этом, тот обнаруживает крайнюю узость своих воззрений на русскую революцию. Тот забывает, что Франция конца XVIII века в эпоху буржуазно-демократической революции была окружена гораздо более отсталыми полуфеодальными странами, которые служили резервом реставрации, а Россия начала XX века, в эпоху своей буржуазно-демократической революции, окружена гораздо более передовыми странами, в которых есть налицо социальная сила, способная стать резервом революции.

Итог: выдвинув вопрос о гарантии от реставрации, Плеханов затронул ряд интереснейших тем, но ровно ничего не объяснил по существу дела и только отошел в сторону (отвел слушателей-меньшевиков в сторону) от вопроса о муниципализации. В самом деле, если опорой капиталистической реставрации (назовем так для краткости реставрацию на основе не азиатского, а капиталистического способа производства) является класс мелких товаропроизводителей, как класс, то при чем же тут муниципализация? Муниципализация есть один из видов *землевладения*, но не ясно ли, что основные и существенные черты *класса* не меняются от формы землевладения? Мелкий буржуа неминуемо и неизбежно является оплотом реставрации против пролетария и при национализации, и при муниципализации, и при разделе земли. Если мыслимо провести в этом отношении резкую грань между формами землевладения, то разве только в пользу раздела, как более тесной связи хозяйчика с землей, — более тесной и потому труднее разрываемой связи⁵. Муниципализацию же защищать аргументом насчет реставрации просто Схмешно.

В ходе прений на съезде гг. Джон и Плеханов, говорившие свои заключительные слова после меня, пытались еще раз незаметно перескочить с этого неудачного аргумента насчет реставрации на другой, как будто бы похожий с виду, но совершенно отличный по содержанию. Они стали защищать муниципализацию не с точки зрения гарантии от реставрации монархии после создания республики, то есть не как меру обеспечения республики, не как учреждение постоянное, а как базу в *процессе борьбы* против монархии за республику, т. е. как меру, облегчающую дальнейшие завоевания, как учреждение временное и переходное. Плеханов дошел при этом до того, что назвал крупные органы местного самоуправления, муниципализировавшие землю, местными «республиками», которые и послужат опорой в войне с монархией.

По поводу этого аргумента следует заметить: Во-первых, первоначальная программа Маслова и принятая на съезде программа Джона — Плеханова — Кострова *ни единым словом* не указывает на то, что муниципализация рассматривается как временная, переходная мера *в ходе* революции, т. е. как *орудие борьбы за дальнейшее*. Следовательно, такое толкование есть «вольное измышление», не подтверждаемое, а опровергаемое текстом программы. Например, выдвигая в своей программе революционные крестьянские комитеты, как орудие революции, как базу борьбы за дальнейшее, я прямо так и говорю в самой программе: партия советует крестьянским комитетам захватывать земли и распоряжаться ими *впредь до учредительного собрания*. В программе Маслова — Джона — Плеханова — Кострова не только не сказано этого⁶{163}{164}, а, напротив, излагается несомненно план постоянного устройства землепользования.

⁵ Мы говорим «разве только», ибо остается еще открытым вопрос, не является ли именно теснейшая связь хозяйчика с своей «парцеллой» лучшим оплотом бонапартизма, Входить здесь в детали этого конкретного вопроса неуместно.

⁶ Именно потому, что в программе Плеханова этого не сказано, на съезде мы имели полное право сравнить новое толкование муниципализации с «революционным самоуправлением» меньшевиков. А не кто иной, как Плеханов, вынужден был, после долгих разъяснений вопроса большевиками, признать, что лозунг «революционное самоуправление» ничего никому не

Во-вторых, главный и коренной довод против разбираемого аргумента состоит в том, что под видом гарантии от реставрации или от реакции у Плеханова выходит из его программы *сделка с реакцией*. Подумайте в самом деле: разве мы не пишем программы и особенно аграрной (крестьянской) программы для широких масс, которыми мы хотим руководить? И что же это выходит? Отдельные члены, хотя бы даже вожди партии, будут говорить, что муниципализовавшие землю земства явятся республиками против монархии в центре. А в программе

выяснил и многих сбил с толку (смотри «Дневник» № 5). Большевики говорили еще во «Вперед»^[163] и «Пролетарии»^[164], что лозунг «революционное самоуправление» недостаточен, неполон, не выражает условий полной победы революции. Для такой победы нужно не революционное самоуправление, а революционная власть, и не только местные революционные власти, но и центральная революционная власть. (См. В. И. Ленин, Сочинения, 5 изд., том 11, стр. 166–174; 196–208; 354–372. *Ред.*)

^[163] «Вперед» – нелегальная большевистская еженедельная газета; издавалась в Женеве с 22 декабря 1904 (4 января 1905) по 5 (18) мая 1905 года. Вышло 18 номеров. Организатором, идейным вдохновителем и непосредственным руководителем газеты был В. И. Ленин. В состав редакции входили В. В. Воровский, А. В. Луначарский, М. С. Ольминский. Всю переписку газеты с местными комитетами в России и корреспондентами вела Н. К. Крупская. Ленин, определяя содержание газеты, писал: «Направление газеты «Вперед» есть *направление старой «Искры»*. Во имя старой «Искры» «Вперед» решительно борется с новой «Искрой»» (Сочинения, 5 изд., том 9, стр. 236). Ленин не только писал руководящие статьи во «Вперед», его перу принадлежит также большое число различных заметок и обработанных им корреспонденции. Некоторые статьи написаны Лениным в сотрудничестве с другими членами редакции (Воровским, Ольминским и др.). Сохранившаяся часть рукописей различных авторов носит следы больших правок и значительных вставок Ленина. Каждый номер в полосах обязательно просматривался Лениным. Даже будучи целиком занят работой на III съезде в Лондоне, Ленин все же нашел время для просмотра гранок № 17 «Вперед». И только № 18, по-видимому, вышел без редакторского просмотра Ленина, ввиду переезда его из Лондона в Женеву. В газете «Вперед» было опубликовано свыше 60 статей и заметок Ленина. Некоторые номера газеты, как, например, № 4 и № 5, посвященные событиям 9 января 1905 года и началу революции в России, почти целиком составлены Лениным. Газета «Вперед» очень скоро после выхода завоевала симпатии местных партийных комитетов, которые признали ее своим органом. Сплачивая местные партийные комитеты на основе ленинских принципов, газета «Вперед» сыграла большую роль в подготовке III съезда партии, в основу решений которого были положены установки, выдвинутые и обоснованные Лениным на страницах газеты. Тактическая линия газеты «Вперед» стала тактической линией III съезда. Газета «Вперед» имела постоянную связь с партийными организациями России. Особенно тесная связь была с Петербургским, Московским, Одесским, Екатеринославским, Бакинским и другими комитетами, а также с Кавказским союзным комитетом РСДРП. Статьи Ленина из газеты «Вперед» часто перепечатывались в местных органах большевистской печати, издавались отдельными листовками или брошюрами. Статья Ленина «Начало революции в России» из № 4 «Вперед» была издана отдельной листовкой Одесским, Саратовским и Николаевским комитетами РСДРП, статья «Пролетариат и крестьянство» («Вперед» № 11) – Петербургским комитетом РСДРП. Кавказский союзный комитет РСДРП издал статью Ленина «Революционная демократическая диктатура пролетариата и крестьянства» («Вперед» № 14) отдельной брошюрой на грузинском, русском и армянском языках. Третий съезд партии в специальной резолюции отметил выдающуюся роль газеты «Вперед» в борьбе против меньшевизма, за восстановление партийности, в постановке и освещении выдвинутых революционным движением вопросов тактики, в борьбе за созыв съезда и выразил благодарность редакции газеты. По решению III съезда вместо газеты «Вперед» стала издаваться газета «Пролетарий».

^[164] «Пролетарий» – нелегальная большевистская еженедельная газета; Центральный Орган РСДРП, созданный по постановлению III съезда партии. Решением пленума Центрального Комитета партии 27 апреля (10 мая) 1905 года ответственным редактором ЦО был назначен В. И. Ленин. Газета издавалась в Женеве с 14 (27) мая по 12 (25) ноября 1905 года. Вышло 26 номеров. «Пролетарий» продолжал линию старой, ленинской «Искры» и сохранил полную преемственность большевистской газеты «Вперед». Ленин написал в газету около 90 статей и заметок. Ленинские статьи определяли политическое лицо газеты, ее идейное содержание и большевистскую направленность. Огромную работу Ленин выполнял как руководитель и редактор газеты. Его редакционная правка вносила в публикуемый материал высокую принципиальность, партийность, четкость и ясность в постановке важнейших теоретических проблем и освещении вопросов революционного движения. В работе редакции постоянное участие принимали В. В. Воровский, А. В. Луначарский, М. С. Ольминский. Большую работу в редакции вели Н. К. Крупская, В. М. Величкина, В. А. Карпинский. Газета была тесно связана с российским рабочим движением; на ее страницах публиковались статьи и заметки рабочих, непосредственно участвовавших в революционном движении. Сбор корреспонденции с мест и их посылку в Женеву организовывали В. Д. Бонч-Бруевич, С. И. Гусев и А. И. Ульянова-Елизарова. Переписку редакции с местными партийными организациями и читателями вели Н. К. Крупская и Л. А. Фотиева. «Пролетарий» немедленно откликался на все значительные события российского и международного рабочего движения, вел беспощадную борьбу против меньшевиков и других оппортунистических, ревизионистских элементов. Газета проводила большую работу по пропаганде решений III съезда партии и сыграла важную роль в организационном и идейном сплочении большевиков. «Пролетарий» являлся единственным органом российской социал-демократии, который последовательно отстаивал революционный марксизм, разрабатывал все основные вопросы развертывавшейся в России революции. Всесторонне освещая события 1905 года, «Пролетарий» поднимал широкие массы трудящихся на борьбу за победу революции. «Пролетарий» оказывал большое влияние на местные социал-демократические организации. Некоторые статьи Ленина из газеты «Пролетарий» перепечатывались местными большевистскими газетами и распространялись в листовках. После отъезда Ленина в Россию в начале ноября 1905 года издание газеты вскоре было прекращено. Последние два номера (25 и 26) вышли под редакцией В. В. Воровского, но и для них Ленин написал несколько статей, опубликованных уже после его отъезда из Женевы.

аграрный переворот прямо и точно связывается с демократизмом в местном управлении, но *ни единым словом* не связывается с *полным* демократизмом центрального управления и устройства государства! Я спрашиваю вас: чем будет руководиться в повседневной нашей агитации и пропаганде масса партийных работников: словами Плеханова о местных «республиках», борющихся против центральной монархии, или самым текстом нашей повой партийной программы, в котором требование земли для крестьян точно связано только с демократизмом местного управления и вовсе не связано с демократизмом центральной власти и устройства государства? Слова Плеханова, путанные и сами по себе, сыграют неизбежно роль такого же «сбивающего с толку» лозунга, как «знаменитое» (по мнению Плеханова, «знаменитое») «революционное самоуправление». *На деле* наша партийная программа остается программой *сделки с реакцией*. Это не социал-демократическая, а кадетская программа, если брать *ее реальное политическое* значение в обстановке современной России, а не те мотивы, которые упомянуты в отдельных речах наших ораторов. Мотивы-то у них самые лучшие, намерения самые социал-демократические, а программа вышла на деле кадетская, проникнутая духом «сделки», а не духом «крестьянской революции» (Плеханов сказал, между прочим, что раньше была у нас боязнь крестьянской революции, а теперь-де надо выкинуть эту боязнь).

Я разобрал выше *научное* значение довода «гарантия от реставрации». Я подошел теперь к его *политическому* значению в эпоху дубасовского конституционализма и кадетской Гос. думы^[19]. Научное значение этого довода равно нулю или минус единице. Политически это – орудие из арсенала кадетов и вода на мельницу кадетов. Посмотрите вокруг себя: какое *течение в политике* сделало почти своей монополией указания на опасность реставрации? Течение кадетское. В чем состоит тот ответ, который миллионы раз давали кадеты нашим товарищам по партии, указывавшим на противоречие между «демократизмом» кадетов и их монархической и пр. программой? В том, что тронуть монархию – значит вызвать опасность реставрации. Не трогайте монархии, – кричали тысячами голосов кадеты по адресу с.-д., – не трогайте монархии, ибо у вас нет гарантии от реставрации. Чем навлекать на себя опасность реставрации, опасность реакции, лучше войти в сделку с реакцией, – в этом вся суть политической мудрости кадетов, вся их программа, вся их тактика, вытекающая неизбежно из классовой позиции мелкого буржуа, из опасности для буржуазии доведенной до конца демократической революции.

Ограничусь двумя примерами в подтверждение сказанного. «Народная Свобода»^[20], орган Милюкова и Гессена, писала в декабре 1905 г., что возможность вооруженного восстания доказала Москва, но что восстание все-таки гибельно и не потому, чтобы оно было безнадежно, а потому, что все равно завоевания восстания сметет реакция (цитировано в моей брошюре: «Социал-демократия и Гос. дума»^[21]). Другой пример. Еще в «Пролетарии» в 1905 году я приводил выписки из статьи Виноградова⁷ в «Русских Ведомостях»^[22]. Виноградов выражал пожелание, чтобы русская революция пошла не по типу 1789–1793 гг., а по типу 1848–1849 гг., т. е. чтобы у нас не было *победоносных* восстаний, чтобы наша революция не дошла до конца, чтобы она была урезана пораньше предательством либеральной буржуазии, соглашением ее с монархией. Виноградов пугал нас реставрацией в лице прусского вахмистра, ни слова не говоря, конечно, о такой «гарантии революции», как немецкий пролетариат.

Ссылка на отсутствие гарантий от реставрации есть идея чисто кадетская, есть *политическое оружие буржуазии против пролетариата*. Интересы буржуазии заставляют ее бороться против того, чтобы пролетариат вместе с революционным крестьянством довел буржуазно-демократическую революцию до конца. В этой борьбе философы и политики буржуазии неизбежно хватаются за исторические доводы, за примеры из прошлого. В прошлом было всегда так, что надували рабочих, что даже после победы революции являлась реставрация, – значит, и у нас не может быть иначе, говорит буржуазия, естественно стремясь ослабить веру

⁷ См. Сочинения, 5 изд., том 11, стр. 225–230. *Ред.*

русского пролетариата в свои силы и в силы европейского социализма. Обострение политических противоречий и политической борьбы ведет к реакции, – поучает рабочих буржуа, – значит, нужно *притуплять* эти противоречия: чем рисковать реакцией после победы, лучше не драться за победу, а войти в сделку с реакцией.

Случайно ли вышло так, что Плеханов стал хвататься за идейное оружие буржуазии против пролетариата? Нет, это было неизбежно после того, как Плеханов неверно оценил декабрьское восстание («не нужно было браться за оружие») и стал, не называя вещи своими именами, проповедовать в «Дневниках» поддержку кадетов рабочей партией. На съезде этот вопрос был затронут во время прений по другому пункту порядка дня, когда спор зашел о том, за что хвалит Плеханова буржуазия. Я расскажу в своем месте об этом споре, здесь же замечу, что вышеизложенные мною доводы я не развил, а лишь в самых общих чертах наметил на съезде. Наша «гарантия от реставрации» – сказал я – доведение революции до конца, а не сделка с реакцией⁸. И только это и говорит моя аграрная программа, всецело являющаяся программой крестьянского восстания и полного завершения буржуазно-демократической революции. Например, «крестьянские революционные комитеты» есть единственный путь, которым только и может идти крестьянское восстание (причем я вовсе не противопоставляю крестьянские комитеты революционной власти, как меньшевики противопоставляли ей революционное самоуправление, а вижу в этих комитетах один из органов такой власти, один из органов, требующих себе дополнения в других, центральных органах, во временном революционном правительстве и во всенародном учредительном собрании). Буржуазно-чиновничье разрешение аграрного вопроса, разрешение его Петрункевичами, Родичевыми, Кауфманами и Кутлерами, исключается *только* при такой формулировке аграрной программы.

Плеханов не мог не заметить этой основной черты моей программы. Он заметил и признал ее на съезде. Но свое признание он выразил (такова уже его натура) в той же форме Демьяновой ухи или Плехановой трухи. Да, да, у Ленина есть в программе идея захвата власти. Ленин сам признает это. Но это-то и плохо. Это – народовольчество. Ленин реставрирует народовольчество. Ратуйте, товарищи, против восстановления народовольчества. Ленин говорит даже о каком-то «народном творчестве». Это ли не народовольчество? и т. д. и т. п.

За эти рассуждения мы, большевики, и я и Воинов, от всей души поблагодарили Плеханова. Нам такие доводы только полезны и желательны. Подумайте-ка, в самом деле, товарищи, об этом рассуждении: «так как у Ленина есть в программе идея захвата власти, то Ленин – народоволец». О какой программе идет речь? Об аграрной. Кто предполагается в этой программе захватывающим власть? Революционное крестьянство. Смешивает ли Ленин пролетариат с этим крестьянством? Не только не смешивает, а особо выделяет его в той третьей части своей программы, которую (3-ю часть) целиком переписал меньшевистский съезд в своей тактической резолюции!

Не правда ли, хорошо? Плеханов сам говорил, что негоже нам, марксистам, *бояться крестьянской революции*. И в то же время ему померещилось народовольчество в *захвате власти революционным крестьянством!!* Да как же возможна победоносная крестьянская революция без захвата власти революционным крестьянством?? Ведь Плеханов прямо договорился до абсурда. Попав раз на наклонную плоскость, он катится вниз неудержимо. Сначала он отрицал возможность захвата власти пролетариатом в современной революции. Теперь он стал отрицать возможность захвата власти революционным крестьянством в современной революции. Но если *ни* пролетариат, *ни* революционное крестьянство не могут захватить власти, то значит, что власть *должна остаться у царя и у Дубасова*. Или власть должны взять кадеты? Но кадеты сами не хотят захватывать власти, оставляя монархию, постоянную армию, верхнюю палату и прочие прелести.

⁸ См. Сочинения, 5 изд., том 12, стр. 363. *Ред.*

Не прав ли я был на съезде, сказав, что плехановская *боязнь захвата власти есть боязнь крестьянской революции?*⁹ Не прав ли был Воинов, говоря, что Плеханова до того в молодости напугали народовольцы^[23], что они ему мерещатся даже тогда, когда он сам признает неизбежность крестьянской революции и когда иллюзий насчет крестьянского социализма нет ни у кого среди с.-д.? Не прав ли был Воинов, когда острил на съезде по поводу меньшевистской резолюции о вооруженном восстании (в этой резолюции первый пункт начинается с признания задачи «вырвать власть у самодержавного правительства»), что «захват власти» есть народовольчество, а «вырывание власти» – истинный и глубокомысленный марксизм? Ведь вышло, право же, так, что, во имя борьбы с народовольчеством в социал-демократии, меньшевики наградили нашу партию программой «*вырывания власти*»... *кадетами*.

Меня не удивили, конечно, ни капли вопли о народовольчестве. Я слишком хорошо помню, что оппортунисты социал-демократии всегда (еще в 1898–1900 гг.) хватались за это пугало против революционных социал-демократов. И тов. Акимов, который говорил на нашем Объединительном съезде блестящую защитительную речь в пользу Аксельрода и кадетов, напомнил об этом как раз кстати. Я надеюсь вернуться еще к этому вопросу в литературе.

О «народном творчестве» два слова. В каком смысле говорил я о нем на съезде?¹⁰ В том же самом, в каком я говорю о нем в своей брошюре: «Победа кадетов и задачи рабочей партии» (брошюра эта была роздана делегатам съезда)¹¹. Я противопологаю октябрь – декабрь 1905 г. теперешнему, кадетскому периоду и говорю, что в революционный период творчество народа (революционных крестьян плюс пролетариев) богаче и продуктивнее, чем в кадетский период. Плеханову это кажется народовольчеством. Мне это кажется, с научной точки зрения, уверткой от важнейшего вопроса об оценке периода октября – декабря 1905 г. (Плеханов и не подумал об анализе *форм движения* этой эпохи в своих «Дневниках», ограничившись морализированием!). С политической стороны, это лишь новое доказательство того, как близок Плеханов в тактике к г. Бланку и кадетам вообще.

Чтобы закончить аграрный вопрос, коснусь еще последнего из серьезных доводов. Ленин – мечтатель, говорил Плеханов, – он фантазирует насчет выбора чиновников народом и т. п. Для такого хорошего исхода не трудно написать программу. Нет, ты вот напиши-ка для худого исхода. Ты сделай так, чтобы твоя программа была «подкована на все четыре ноги».

В этом доводе есть, несомненно, соображение, которое всякий марксист обязан строгожайше принимать во внимание. Действительно, не годна была бы та программа, которая считалась бы *только* с лучшим исходом. Но именно с этой стороны, – ответил я Плеханову на съезде, – моя программа, очевидно, стоит выше масловской. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить о существовании *аренды*. Чем отличается капиталистический (и полукапиталистический) способ производства в земледелии? Везде и повсюду – развитием аренды. Относится ли это к России? Относится в громадных размерах. И неправ был тов. Джон, который возражал мне, будто у меня в программе есть бессмыслица: аренда остается после конфискации помещичьих земель. По этому пункту тов. Джон трижды неправ: во-первых, в моей программе *вся* первая часть говорит о первых шагах крестьянской революции (захват земель *впредь до* всенародного учредительного собрания); значит, аренда «не остается» у меня «после» конфискации, а берется за факт, ибо она есть факт. Во-вторых, конфискация есть переход в другие руки собственности на землю, а переход собственности сам по себе нисколько не затрагивает аренды; в-третьих, аренда имеет место, как известно всем, и на крестьянских, и на наделных землях.

⁹ См. Сочинения, 5 изд., том 12, стр. 366. *Ред.*

¹⁰ См. Сочинения, 5 изд., том 12, стр. 366–367, *Ред.*

¹¹ Там же, стр. 316–346. *Ред.*

Посмотрите же, что выходит у нас по части «подкованности на четыре ноги», по части принятия во внимание не только лучших, но и худших условий. Маслов величественно вычеркивает аренду вовсе. Он предполагает прямо и сразу такой переворот, который бы уничтожил аренду. Это предположение, как я показал, совершенно вздорное, с точки зрения «худой действительности» и необходимости с нею считаться. Наоборот, вся первая часть моей программы построена *целиком* на базисе «худой действительности», против которой восстают революционные крестьяне. Поэтому аренда у меня не исчезает в царство теней (уничтожение аренды в капиталистическом обществе есть преобразование не менее, если не более, «фантастическое», с точки зрения плехановского «здорового смысла», чем уничтожение постоянной армии и т. п.). Выходит, что с «худой действительностью» я считаюсь гораздо серьезнее Маслова, а *хорошую* действительность я проповедую крестьянам не с точки зрения кадетской сделки (местные республики против центральной монархии), а с точки зрения полной победы революции и завоевания действительно демократической республики.

Этот элемент политической пропаганды специально в аграрной программе я особо подчеркивал на съезде, и мне придется, вероятно, не раз останавливаться еще на этом вопросе в литературе. На съезде нам, большевикам, возражали: у нас есть политическая программа, там и место говорить о республике. Возражение это свидетельствует о полной непродуманности вопроса. У нас есть, действительно, общая принципиальная программа (первая часть программы партии) и специальные программы: политическая, рабочая, крестьянская. В рабочей части программы (8-часовой рабочий день и т. д.) *никто* не предлагает оговаривать особо и специально политических условий того или иного преобразования. Почему? Потому, что 8-часовой рабочий день и тому подобные реформы при *всяких* политических условиях *неизбежно* станут орудием движения вперед. А в крестьянской программе надо ли *оговаривать* особо и специально политические условия? Надо, потому что самое лучшее перераспределение земли *может* стать орудием движения назад при господстве Треповых и Дубасовых. Возьмите хотя бы даже программу Маслова: в ней говорится о передаче земель *демократическому* государству и *демократическим* органам местного самоуправления, то есть в ней, несмотря на существование политической программы партии, особо и специально оговариваются политические условия современных аграрных преобразований. Значит, о необходимости оговорить аграрные требования особыми политическими условиями не может быть и спора. Вопрос весь в том, позволительно ли, и с точки зрения научной и с точки зрения последовательного пролетарского демократизма, связывать коренной аграрный переворот не с выборностью чиновников народом, не с республикой, а с «демократизмом» вообще, т. е., следовательно, и с кадетским демократизмом, который является ныне, независимо от нашей воли, главным и самым распространенным, самым влиятельным в печати и в «обществе» видом лжедемократизма. Я думаю, что это непозволительно. Я предсказываю, что ошибку нашей аграрной программы сейчас же должна будет исправлять и будет исправлять практика, т. е. политическая обстановка *заставит* наших пропагандистов и агитаторов в борьбе с кадетами подчеркивать именно не кадетский демократизм, а выборность чиновников народом и республику.

Что касается до программы раздела земли, то я выразил свое отношение к ней на съезде словами: муниципализация ошибочна и вредна, раздел, как программа, ошибочен, но не вреден. Поэтому я, конечно, ближе к разделу и готов вотировать за Борисова против Маслова. Раздел не может быть вреден, ибо на него согласятся крестьяне, это — раз; его не надо оговаривать последовательным переустройством государства, это — два. Почему он ошибочен? Потому, что он односторонне рассматривает крестьянское движение только с точки зрения прошлого и настоящего, не привлекая во внимание точку зрения будущего. «Разделисты» говорят мне, споря против национализации: крестьянин не того хочет, что он говорит, когда вы слышите от него о национализации. Смотрите не на слово, а на суть дела. Крестьянин хочет частной

собственности, права продавать землю, а слова о «божьей земле» и т. п., это — лишь идеологическое облачение желания взять землю у помещика.

Я отвечал «разделистам»: все это верно; но наше разногласие с вами только начинается там, где вы считаете уже вопрос исчерпанным. Вы повторяете ошибку старого материализма, о котором Маркс сказал: старые материалисты умели объяснять мир, а нам надо изменять его^[24]. Вот точно так же и сторонники раздела *правильно* понимают крестьянские слова о национализации, *правильно объясняют их*, но — в этом вся суть — но не умеют это правильное объяснение сделать *рычагом изменения мира*, орудием дальнейшего движения вперед. Не о том идет речь, чтобы навязать крестьянам национализацию вместо раздела (вариант А в моей программе отнимает всякую почву у таких нелепых мыслей, если они возникают у кого-либо). Речь идет о том, что социалист, беспощадно разоблачая мелкобуржуазные иллюзии крестьянина насчет «божьей земли», должен уметь показать крестьянину путь вперед. Я сказал уже на съезде Плеханову, и я повторю это тысячу раз: практики так же будут вульгаризировать теперешнюю программу, как вульгаризировали они отрезки, — они сделают из маленькой ошибки большую. Они будут крестьянской толпе, кричащей, что земля — ничья, божья, казенная, доказывать преимущества раздела, они будут этим позорить и опошлять марксизм. Не то мы должны говорить крестьянам. Мы должны сказать: в этих речах о божьей, ничьей или казенной земле есть большая правда, только надо хорошенько разобрать ее. Если земля казенная, а у казны сидит Трепов, — значит, земля будет Трепова. Хотите ли вы этого? Хотите ли вы, чтобы земля попала в руки Родичевых и Петрункевичей, если бы им, согласно их желанию, довелось получить в руки власть, а следовательно, и казну? И крестьяне, разумеется, ответят: нет, не хотим. Ни Треповым, ни Родичевым не отдадим мы отобранных у помещиков земель. Если так, то необходима выборность всех чиновников народом, уничтожение постоянной армии, республика, — *только* тогда передача земли «в казну», передача земли «народу» будет мерой не вредной, а полезной. И с точки зрения строго научной, с точки зрения условий развития капитализма вообще, мы безусловно должны сказать, если мы не хотим разойтись с III томом «Капитала», что национализация земли возможна в буржуазном обществе, что она содействует экономическому развитию, облегчает конкуренцию и прилив капитала в земледелие, понижает цену на хлеб и т. д. Мы ни в каком случае *не можем*, следовательно, в эпоху настоящей крестьянской революции при довольно высоко развитом капитализме относиться с голым и общим отрицанием к национализации. Это было бы узко, односторонне, грубо, близоруко. Мы должны лишь разъяснить крестьянину необходимые политические предпосылки национализации, как меры полезной, а затем должны показывать ее буржуазный характер (это и делает 3-я часть моей программы, вошедшая теперь в резолюцию Объединительного съезда).

Кончая свой рассказ о спорах по аграрному вопросу на съезде, отмечу еще, какие поправки вносились к проекту программы Маслова. Когда ставился на голоса вопрос о принятии за основу того или иного проекта программы, то за Маслова высказалось сначала всего 52 голоса, *т. е. меньше половины*. За раздел высказалось около 40 (я присоединился к «разделистам», чтобы не разбивать голосов против муниципализации). Только при перебаллотировке масловский проект собрал 60 с чем-то голосов, когда все колеблющиеся вотировали за, чтобы не оставить партию вовсе без аграрной программы.

Из поправок меньшевики провалили одну, относящуюся к более точному определению понятия: демократическое государство. Мы предложили сказать: «демократическая республика, обеспечивающая полностью самодержавие народа». Эта поправка исходила из выше-очерченной мысли, что муниципализация без *полного* демократизма центральной государственной власти прямо вредна и может выродиться в кадетскую аграрную реформу. Поправка вызвала бурю. Я не был как раз в эту минуту в зале заседания. Помню, что, когда я возвращался и проходил через соседнюю комнату, меня поразил необычайный шум в «кулуарах» и масса

шутливых возгласов: «Товарищ Джон провозгласил республику!». «У него не нашлось гарантий от реставрации». «Товарищ Плеханов реставрировал монархию».

Дело было, как мне рассказывали, так. Меньшевики, по свойственной меньшевистской натуре обидчивости, обиделись на поправку, усмотрев в ней желание изобличить в оппортунизме: вот-де меньшевики против республики. Раздались негодующие речи и крики. Большевики тоже раззадорились, как водится. Потребовали именного голосования. Тогда страсти окончательно разгорелись. Товарищ Джон смутился и, не желая вносить раздора, не имея, разумеется, решительно ничего «против республики», встал и заявил, что он сам снимает свою формулировку и присоединяется к поправке. Большевики аплодируют «провозглашению республики». Но товарищ Плеханов или кто-то другой из меньшевиков вмешиваются, спорят, требуют нового голосования, и «монархия восстанавливается» – по дошедшим до меня рассказам – всего какими-то 38 голосами против 34 (многие, видимо, отсутствовали из залы заседания или воздерживались).

Из принятых поправок надо отметить замену слова: «отчуждение» словом «конфискация». Затем «муниципалисты» должны были все-таки сделать уступку «разделистам», и товарищ Костров внес поправку, допускающую условно и раздел. Вместо первоначальной масловской программы получилась, как острили на съезде, «кастрированная» программа. В ней смешаны, в сущности, и национализация (известные земли поступают в *общенародную* собственность), и муниципализация (часть земель – в распоряжение крупных органов местного самоуправления), и, наконец, раздел. При этом вполне точного определения того, когда стоять за муниципализацию и когда за раздел, ни в программе, ни в тактической резолюции нет. Программа получилась в конце концов не подкованная на все четыре ноги, а со всеми четырьмя хлюпающими подковами¹².

IV. Оценка революционного момента и классовых задач пролетариата

Вопрос, названный в заголовке, был поставлен вторым на обсуждение съезда. Докладчиками были Мартынов и я. Тов. Мартынов в своем докладе не защищал собственно меньшевистского проекта резолюции, напечатанного в № 2 «Партийных Известий». Он предпочел дать «общий очерк» своих взглядов и общую критику того, что меньшевики называют большевистскими взглядами.

Он говорил о Думе, как политическом центре, о вредности идеи захвата власти, о важности конституционного строительства в революционную эпоху. Он критиковал декабрьское восстание, призывал открыто признать наше поражение, обвиняя нашу резолюцию за «техническую» постановку вопроса о стачке и восстании. Он говорил, что «кадеты вопреки своей антиреволюционности строят леса для дальнейшего развития революции»¹³ (отчего же не сказано этого в ваших резолюциях? спрашивали мы), он сказал: «мы накануне революционного взрыва» (отчего нет этого в вашей резолюции? опять спросили мы). Он сказал, между прочим: «объективно кадеты сыграют большую роль, чем эсеры». Сравнение захвата власти с идеями Ткачева, выдвигание на первый план Думы, как начала «конституционного строительства», как краеугольного камня в строю «представительных учреждений», – такова была основная мысль доклада товарища Мартынова. Как и все меньшевики, он пассивно приспособлял нашу тактику к малейшему изгибу в ходе событий, подчинял ее интересам момента, нуждам (или

¹² Самую резкую критику «кастрированной» масловской программы дал на съезде один товарищ-меньшевик (Струмилин), сторонник частичного раздела. Он прочитал письменное заявление, в котором замечательно метко и беспощадно указывал – может быть, даже вернее сказать, бичевал – внутреннюю противоречивость получившейся программы. К сожалению, я не сделал себе отметок с выдержками из его прочитанной речи.

¹³ Я ставлю в кавычки те слова, которые нашлись у меня записанными в моих заметках.

кажущимся нуждам) минуты и невольно принижал основные и коренные задачи пролетариата, как передового борца в буржуазно-демократической революции.

Я построил свой доклад на точном сравнении обеих предложенных съезду резолюций. В обеих, говорил я, признается, что революция идет к новому подъему, что наша задача – стремиться довести ее до конца и, наконец, что выполнить эту задачу в состоянии только пролетариат вместе с революционным крестьянством. Казалось бы, эти три положения должны определять собой полное единство тактической линии. Но посмотрите, которая же из обеих резолюций последовательнее проводит эту основную точку зрения? которая правильнее мотивирует ее и вернее указывает выводы из нее?

И я показывал, что мотивировка меньшевистской резолюции никуда не годна, что это – простая фраза, а не мотивировка («борьба не оставила правительству другого выбора». Это – образчик голой фразы! Это именно надо доказать, да и то не в такой форме. Меньшевики же начинают с недоказанного и недоказуемого положения). Я говорил, что кто *действительно* признает подъем революции неизбежным, тот должен сделать соответствующий вывод о *главной* форме движения. Ведь в этом состоит коренной научный и политический вопрос, который мы должны решить и от которого меньшевики увиливают: дескать, когда Дума, – пойдем за Думой, когда стачки и восстание, – пойдем за стачками и восстанием, а учесть неизбежность той или другой формы движения они не хотят или не могут. Сказать пролетариату и всему народу, какая форма движения является *главной*, они не решаются. А если так, тогда слова о подъеме революции и о доведении ее до ее конца (меньшевики крайне неудачно сказали: до *логического* конца) являются пустой фразой. Это значит именно: не поднимать пролетариат до роли передового вождя революции, оценивающего ее глубже и шире, осмысливающего свою тактику общими и коренными интересами демократии, а принижать пролетариат до роли пассивного участника и скромного «чернорабочего» буржуазно-демократической революции.

Меньшевики, говорил я, берут только первую половину знаменитого положения Гегеля: «все действительное разумно, все разумное действительно». Дума действительна. Значит, Дума разумна, говорят они и удовлетворяются этим. Борьба вне Думы «разумна», – отвечаем мы. Она вытекает с объективной неизбежностью из всего современного положения. Значит, она «действительна», хотя и придавлена в настоящий момент. Не рабски следовать моменту должны мы; это будет оппортунизм. Мы должны обдумывать более глубокие причины событий и более далекие последствия нашей тактики.

Меньшевики признают в своей резолюции, что революция идет на подъем, что пролетариат вместе с крестьянством должны довести ее до конца. Но кто всерьез думает так, тот должен уметь сделать и выводы. Если с крестьянством, – значит, вы считаете либерально-монархическую буржуазию (кадетов и т. п.) ненадежной. Отчего же вы не говорите этого, как сказано в нашей резолюции? Отчего вы ни единым словом не упоминаете необходимости бороться с конституционными иллюзиями, т. е. с верой в обещания и законы старого самодержавного правительства? Кадетам привычно забывать об этой борьбе; кадеты сами распространяют конституционные иллюзии. Но социал-демократ, который в революционный момент забывает о задаче борьбы с конституционными иллюзиями, в *политике* приравнивает себя к кадету. Чего стоят все слова о «подъеме революции», о «доведении ее до конца», о «новом революционном взрыве», если на деле социал-демократ не разоблачает в народе конституционных иллюзий?

Вопрос о конституционных иллюзиях, это – как раз тот вопрос, на котором всего легче в настоящее время и всего вернее можно отличить оппортуниста от сторонника дальнейшего развития революции. Оппортунист уклоняется от разоблачения этих иллюзий. Сторонник революции беспощадно показывает их обманчивость. И вот с.-д. меньшевики умалчивают о таком вопросе!

Не решаясь сказать открыто и прямо, что октябрьско-декабрьские формы борьбы непригодны и нежелательны, меньшевики говорят это в самой худшей, прикрытой, косвенной, уклончивой форме. Это совсем неприлично социал-демократу.

Таковы были основные положения моего доклада.

Из прений по поводу этих докладов следует отметить следующие характерные инциденты. Товарищ, назвавшийся на съезде Борисом Николаевичем, заставил меня в моем заключительном слове воскликнуть: на ловца и зверь бежит¹⁴. Трудно было рельефнее, чем он это сделал, собрать воедино всю «суть» меньшевизма. Это «курьез», говорил он, что большевики считают «главной формой движения» не легальную и не конституционную, а революционные движения широких народных масс. Это «смехотворно», ибо таковых движений налицо нет, а Дума налицо имеется. Это «метафизика» и «фразеология» – слова о роли пролетариата, как «главы» или «вождя», о возможности для него стать «хвостом», и т. д.

Снимите ваши кадетские очки! – отвечал я этому последовательному меньшевику. – Вы увидите тогда и крестьянское движение в России, и брожение в войсках, и движение безработных, вы увидите те формы борьбы, которые «притаились» сейчас и отрицать которые не решаются даже умеренные буржуа. Они прямо говорят о вреде или ненужности этих форм борьбы. А с.-д. меньшевики *посмеиваются* над ними. Такова разница между буржуазией и с.-д. меньшевиками. Точь-в-точь как было с Бернштейном, немецким меньшевиком, немецким с.-д. правого крыла. Буржуазия находила и объявляла прямо вредными революционные формы борьбы в Германии в конце XIX века. Бернштейн *посмеивался* над ними.

Вопрос о Бернштейне, будучи затронут на съезде, повел естественно к вопросу: за что хвалит Плеханова буржуазия? Тот факт, что вся громадная масса либерально-буржуазных газет и изданий в России, вплоть даже до октябристского «Слова»^[25], самым усердным образом расхваливала Плеханова, – этот факт не мог остаться не отмеченным на съезде.

Плеханов поднял перчатку. Бернштейна хвалила буржуазия не за то, за что она хвалит меня, сказал он. Бернштейна хвалили за то, что он сдавал буржуазии наше теоретическое оружие: марксизм. А меня хвалят за тактику. Ситуация не та.

Плеханову отвечали на это представитель польской социал-демократической партии и я. Мы оба указали, что Плеханов *не прав*. Не за теорию только хвалила Бернштейна буржуазия, и даже собственно вовсе не за теорию. Буржуазии плевать на все теории. Буржуазия хвалила немецких с.-д. правого крыла за то, что они указывали иную *тактику*. За тактику хвалили их. За тактику реформистов в отличие от тактики революционной. За признание главной или почти единственной борьбой – борьбы легальной, парламентской, реформистской. За стремление превратить социал-демократию в партию демократически-социальных реформ. Вот за что хвалили Бернштейна. Его хвалили буржуа за *притупление* противоречий между трудом и капиталом в эпоху накануне социалистической революции. Плеханова хвалит буржуазия за *притупление* противоречий между революционным народом и самодержавием в эпоху революции буржуазно-демократической. Плеханова хвалят за признание главной формой борьбы – борьбы «парламентской», за осуждение октябрьско-декабрьской борьбы и особенно вооруженного восстания. Плеханова хвалят за то, что он стал в вопросах современной тактики вождем правого крыла с.-д.

Я забыл добавить, как держались меньшевики в прениях по вопросу о конституционных иллюзиях. Сколько-нибудь устойчивой позиции они не заняли: одни из них говорили, что борьба с конституционными иллюзиями есть постоянная задача с.-д., а вовсе не специальная задача данного момента. Другие (Плеханов) объявляли борьбу с конституционными иллюзиями анархизмом. В этих двух крайних и противоположных мнениях меньшевиков по вопросу о конституционных иллюзиях особенно рельефно обнаруживалась полная беспомощ-

¹⁴ См. Сочинения, 5 изд., том 12, стр. 374. *Ред.*

ность их позиции. Когда конституционный строй упрочился, когда конституционная борьба стала на известное время главной формой борьбы классов и борьбы политической вообще, тогда разоблачение конституционных иллюзий не является специальной задачей с.-д., задачей момента. Почему? Потому, что в такие моменты дела вершатся в конституционных государствах *именно так*, как они решаются в парламентах. Конституционные иллюзии – это обманчивая вера в конституцию. Конституционные иллюзии выступают на первый план тогда, когда кажется, что конституция есть, а на деле ее нет, – другими словами: когда дела вершатся в государстве *не так*, как они решаются в парламентах. Когда действительная политическая жизнь *расходится* с ее отражением в парламентской борьбе, тогда и *только тогда* борьба с конституционными иллюзиями становится очередным делом передового революционного класса, пролетариата. Либеральные буржуа, боясь внепарламентской борьбы, распространяют конституционные иллюзии и тогда, когда парламенты бессильны. Анархисты вовсе отрицают участие в парламентах при всех и всяких обстоятельствах. Социал-демократы стоят за использование парламентской борьбы, за участие в ней, но они беспощадно разоблачают «парламентский креtinизм», т. е. веру в то, что парламентская борьба есть *единственная* или *при всяких условиях главная* форма политической борьбы.

Расходится ли в России действительность политическая от решений и речей в Думе? Вершатся ли у нас дела в государстве так, как решаются они в Думе? Отражают ли «думские» партии сколько-нибудь верно *реальные* политические силы в данный момент революции? Достаточно поставить эти вопросы, чтобы понять беспомощную растерянность меньшевиков по вопросу о конституционных иллюзиях.

Эта растерянность выразилась на съезде необыкновенно рельефно в том, что меньшевики, будучи в большинстве, не поставили даже на голоса своей резолюции об оценке текущего момента. Они сняли свою резолюцию! Большевики на съезде много смеялись над этим. Победители снимают свою победоносную резолюцию, – так говорили о необыкновенном и невиданном в истории съездов поступке меньшевиков. Потребовали даже и добились именного голосования по этому вопросу, хотя меньшевики и сердились на это прекурьезно, внося в бюро письменные заявления, что-де «Ленин собирает агитационный материал против решений съезда». Как будто бы это право собирать материал не было правом и обязанностью всякой оппозиции! И как будто бы наши победители не подчеркивали своей досадой того невозможно неловкого положения, в которое они попали, отказываясь от своей собственной резолюции! Побежденные настаивают на том, чтобы победители приняли свою победоносную резолюцию. Более определенно выраженной моральной победы мы не могли и желать.

Меньшевики говорили, конечно, что они не хотят навязывать нам того, с чем мы несогласны, не хотят насилия и пр. Понятно, что такие отговорки встречались улыбками и повторными требованиями именного голосования. Ведь по тем вопросам, по которым они верили в свою правоту, меньшевики не боялись «навязать» нам своего мнения, не боялись «насилия» (и к чему это страшное слово?) и т. п. Резолюция об оценке момента не призывала партию ни к каким действиям. Но без нее партия не могла *понять* принципиальных оснований и *мотивов* всей тактики съезда.

Снятие резолюции было в этом отношении высшим проявлением практического оппортунизма. Наше дело – быть в Думе, когда есть Дума, а никаких общих рассуждений, никакой общей оценки, никакой продуманной тактики мы знать не знаем. Вот что сказали меньшевики пролетариату своим снятием резолюции.

Несомненно, что меньшевики убедились в негодности и неверности своей резолюции. Не может быть и речи о том, чтобы люди, убежденные в правоте своих взглядов, отказались выразить их прямо и определенно. Но в том-то и гвоздь, что меньшевики не смогли внести даже никаких поправок в свою резолюцию. Они не могли, следовательно, сойтись между собой ни по одному существенному вопросу насчет оценки момента и оценки классовых задач пролета-

риата вообще. Они могли сойтись только на отрицательном решении: вовсе снять резолюцию. Меньшевики смутно чувствовали, что, приняв свою собственную *принципиальную* резолюцию, они подорвут свои *практические* резолюции. Но делу они не помогли. Резолюции меньшевиков и большевиков по оценке момента может и должна обсудить и сличить *вся* партия, *все* партийные организации. Вопрос оставили открытым. А его надо решить. И сличение обеих указанных резолюций с опытом политической жизни, с уроками хотя бы кадетской Думы, дает превосходное подтверждение правильности большевистских взглядов на момент русской революции и на классовые задачи пролетариата.

V. Отношение к государственной думе

Докладчиком преобладающей на съезде фракции по вопросу о Гос. думе был тов. Аксельрод. В длинной речи он дал тоже не сравнительную оценку обеих резолюций (из комиссии было вынесено две резолюции, ибо соглашения между меньшевиками и большевиками не состоялось), не точное изложение всех взглядов меньшинства на соответствующий вопрос, а «общий очерк» значения парламентаризма. Докладчик широко размахнулся, захватил большую историческую тему и – и рисовал картину того, что такое парламентаризм, каково его значение, какую роль играет он в развитии организации пролетариата, в деле агитации, прояснения его сознания и т. д. Кивая постоянно в сторону «анархически-заговорщических» взглядов, докладчик витал всецело в области абстрактностей, в заоблачной выси общих мест и прекрасных исторических соображений, годных для всех времен, для всех наций, для всех исторических моментов вообще, – негодных только в силу своей абстрактности для охватывания конкретных особенностей стоявшего перед нами конкретного вопроса. У меня осталось в памяти следующее особенно рельефное проявление этой невероятно абстрактной и бессодержательно общей постановки вопроса Аксельродом. Он два раза (я отметил это) коснулся в своей речи вопроса о сделках или соглашениях с.-д. с к.-д. Один раз он мимоходом задел этот вопрос, высказавшись пренебрежительно и в двух словах против всяких соглашений. Другой раз он остановился на нем подробнее и сказал, что допустимы, вообще говоря, и соглашения. Необходимо лишь, чтобы они состояли не в шушуканье каких-то комитетов, а в открытом, всем рабочим массам видном и ясном соглашении, которое должно быть крупным политическим шагом или делом. Оно подняло бы пролетариат в его значении политической силы, показало бы ему яснее и отчетливее политический механизм и различное положение, различные интересы тех или иных классов. Оно втянуло бы пролетариат в определенные политические отношения, научило бы разбирать врагов и недругов, и так далее, и тому подобное. Именно из рассуждений такого рода состоял громадный «доклад» тов. Аксельрода, – их нельзя пересказать, их можно только обрисовать на том или другом отдельном примере.

В своем ответном докладе я прежде всего заявил, что Аксельрод нарисовал очень красивенькую, если хотите, прелестную картинку. Рисовал он ее с любовью и искусством, краски клал яркие, штрихи проводил тонкие. Жаль только, что это картина не с натуры. Хорошая картина, слов нет, да сюжет-то у нее фантастический. Превосходный этюд на тему о значении парламентаризма вообще, прекрасная популярная лекция о роли представительных учреждений. Жаль только, что о конкретных исторических условиях данного русского, извините за выражение, «парламента» ничего не сказано и ровно ничего в этом отношении не разъяснено. Аксельрод великолепно выдал себя, говорил я, своим рассуждением о соглашениях с кадетами. Он признал, что значение таких соглашений, при действительном парламентаризме иногда неизбежных, зависит от открытого выступления перед массой, от возможности изгнать старое «шушуканье» и поставить на его место агитацию в массах, самостоятельность масс, выступление перед массами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Брошюра «Доклад об Объединительном съезде РСДРП (Письмо к петербургским рабочим)» подверглась длительному цензурному и полицейскому преследованию. 3 (16) июня 1906 года в типографии «Дело» (Петербург), где печаталась брошюра, был произведен обыск и книга была захвачена полицией. Петербургский комитет по делам печати наложил на брошюру арест и постановил виновных в издании ее привлечь к ответственности. Против автора брошюры было возбуждено судебное преследование. Однако брошюру удалось переправить в Москву и здесь продолжить ее издание. Через 6 лет, 25 июня (8 июля) 1912 года, Петербургская судебная палата вынесла решение об уничтожении брошюры вместе со стереотипами, заготовленными для ее напечатания, а в январе 1913 года в типографии петербургского градоначальства арестованные экземпляры брошюры были уничтожены.

2.

Четвертый (Объединительный) съезд РСДРП состоялся в Стокгольме 10–25 апреля (23 апреля – 8 мая) 1906 года. Перед съездом, во второй половине февраля, В. И. Ленин разработал тактическую платформу большевиков – проект резолюций съезда по всем основным вопросам революции. Резолюции большевиков призывали трудящиеся массы к подготовке нового революционного натиска на самодержавие. Меньшевики выдвинули к съезду свою тактическую платформу, в которой по существу отказывались от революционной борьбы. По этим платформам проходили выборы на съезд. Кампания по обсуждению обеих платформ и выборам делегатов на съезд продолжалась около двух месяцев. В результате ее большинство партийных организаций высказалось за большевистскую платформу.

3.

Второй съезд РСДРП состоялся 17 (30) июля – 10 (23) августа 1903 года. Первые 13 заседаний съезда происходили в Брюсселе. Затем из-за преследований полиции заседания съезда были перенесены в Лондон.

4.

Аграрная комиссия была создана в начале 1906 года Объединенным ЦК для разработки аграрной программы к IV съезду РСДРП. В состав аграрной комиссии входили: В. И. Ленин, П. П. Маслов, П. П. Румянцев, С. А. Суворов, И. А. Теодорович, Г. В. Плеханов, Н. Н. Жордания, А. Ю. Финн-Енотаевский. Комиссия свела все выявившиеся внутри социал-демократии точки зрения по аграрному вопросу к четырем основным типам проектов: Ленина, Рожкова, Мае лова, Финн-Енотаевского (пятым ею был отмечен проект группы «Борьба») и представила их съезду. Сама комиссия в большинстве своем стала на точку зрения Ленина, проект которого был представлен съезду как проект большинства аграрной комиссии Объединенного ЦК РСДРП. Проект Ленина – конфискация всех церковных, монастырских, удельных, государственных, кабинетских, помещичьих земель и национализация всей земли, – обоснованный Лениным перед съездом в работе «Пересмотр аграрной программы рабочей партии» (см. Сочинения, 5 изд., том 12, стр. 239–270), был утвержден вместе с тактической платформой к съезду на предсъездовских совещаниях большевиков в марте 1906 года.

5.

Социал-демократия Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ) – революционная партия польского рабочего класса, возникла в 1893 году сначала как Социал-демократия Королевства Польского, а с августа 1900 года после съезда социал-демократических организаций Королевства Польского и Литвы, где произошло слияние польских и части литовских социал-

демократов, стала называться Социал-демократия Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ). Заслугой партии являлось то, что она направляла польское рабочее движение к союзу с русским рабочим движением и боролась с национализмом.

6.

Латышская социал-демократическая рабочая партия была создана в июне 1904 года на I съезде партии. На II съезде ЛСДРП в июне 1905 года была принята программа партии. В 1905–1907 годах Латышская социал-демократическая рабочая партия руководила революционными выступлениями рабочих. В. И. Ленин указывал, что «во время революции латышский пролетариат и латышская социал-демократия занимали одно из первых, наиболее важных мест в борьбе против самодержавия и всех сил старого строя» (Сочинения, 4 изд., том 16, стр. 235).

7.

Бунд («Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России») был организован в 1897 году на учредительном съезде еврейских социал-демократических групп в Вильно; объединял преимущественно полупролетарские элементы еврейских ремесленников западных областей России. На I съезде РСДРП (1898) Бунд вошел в состав РСДРП «как автономная организация, самостоятельная лишь в вопросах, касающихся специально еврейского пролетариата» («КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, 1954, стр. 14).

8.

Революционная украинская партия (РУП) – мелкобуржуазная, националистическая организация; возникла в Харькове в начале 1900 года. I учредительный съезд РУП состоялся в Киеве в 1902 году. РУП с 1903 по 1905 год издавала газету «Селянин». Видными деятелями РУП являлись Н. Порш, В. Винниченко, С. Петлюра, Д. Антонович. В декабре 1905 года состоялся II съезд РУП, переименовавший организацию в демагогических целях в Украинскую социал-демократическую рабочую партию (УСДРП).

9.

Имеется в виду принятое в начале съезда (на 2-м заседании) решение о прекращении собраний по фракциям. Решение это, однако, не было проведено в жизнь. Фракционные собрания продолжались в течение всей работы съезда. «Насколько неинтересно, а иногда прямо тошно становилось на официальных заседаниях съезда, на которых меньшевики проводили обеспеченным большинством голосов заранее заготовленные решения, – вспоминал участник съезда М. Н. Лядов, – настолько все более интересными и поучительными становились наши фракционные заседания. Здесь нам удалось, действительно, учесть весь опыт бурного революционного года и окончательно определить нашу большевистскую тактику на предстоящий период» (М. Лядов. Из жизни партии в 1903–1907 годах. М., 1956, стр. 165).

10.

«Начало» – ежедневная легальная меньшевистская газета; выходила в Петербурге с 13 (26) ноября по 2 (15) декабря 1905 года. Вышло 16 номеров. Редакторами-издателями газеты были Д. М. Герценштейн и С. Н. Салтыков. Участвовали в газете П. Б. Аксельрод, Ф. И. Дан, Л. Г. Дейч, Н. И. Иорданский, Л. Мартов, А. Н. Потресов и др.

11.

«Дневник Социал-Демократа» – неперіодический орган, издававшийся Г. В. Плехановым в Женеве с марта 1905 по апрель 1912 года (с большими перерывами). Вышло 16 номеров. Издание его было возобновлено в 1916 году в Петрограде, но вышел всего один номер.

12.

Мандатная комиссия была избрана на первом заседании съезда. В состав ее вошли 2 большевика – В. А. Десницкий (Сосновский), С. Г. Шаумян (Суренин), 2 меньшевика – Н. Н. Жордания (Костров), Л. И. Гольдман (Акимский) и в качестве «нейтрального» – М. И. Меленевский (Самойлович) (председатель комиссии), который на деле занимал меньшевистские позиции. Одновременно съезд утвердил регламент работ мандатной комиссии и принял следующую резолюцию, предложенную В. И. Лениным: «Съезд вменяет в обязанность мандатной комиссии вести отчеты, из которых было бы видно, какими мотивами руководилась организация при выборах на съезд и какой критерий был применен при определении членства партии» («Четвертый (Объединительный) съезд РСДРП. Протоколы». М., 1959, стр. 10). Работа мандатной комиссии и обсуждение ее докладов на пленумах съезда протекали в обстановке чрезвычайно напряженной фракционной борьбы. Уже при обсуждении первого доклада мандатной комиссии (4–5-е заседания) и ее предложения об отклонении мандата большевика А. А. Гапеева (Молоденкова) от петербургской студенческой организации произошло столкновение большевиков с меньшевиками. Отношения особенно обострились на 6-м заседании в связи с предложением комиссии аннулировать мандат большевика Ф. А. Сергеева (Артема, по протоколам съезда – Артамонова) – делегата харьковской организации. После заявления Десницкого о выходе из состава мандатной комиссии от участия в ней отказались и остальные члены. Съезд выбрал новую мандатную комиссию, в которую вошли меньшевики и примиренцы.

13.

Протест тифлиских рабочих против полномочий тифлисской меньшевистской делегации за подписью 200 человек был зачитан на 20-м заседании съезда (см. «Четвертый (Объединительный) съезд РСДРП». М., 1959, стр. 336–337). Рабочие сообщали, что с целью увеличения голосов на съезде тифлиские меньшевики при составлении списка членов партии не руководствовались требованиями устава РСДРП и включали в список случайных лиц. В результате меньшевики «насчитали» в Тифлисе более 3000 членов партии. В соответствии с общей нормой представительства тифлиские меньшевики хотели послать на съезд 11 человек. Разоблачая этот обман, рабочие заявляли, что Тифлис не может быть представлен на съезде таким количеством делегатов.

14.

Изданные в 1907 году протоколы IV (Объединительного) съезда РСДРП имели ряд существенных недостатков: в них отсутствовали записи некоторых докладов и речей на съезде, в частности, докладов В. И. Ленина по аграрному вопросу, о современном моменте и классовых задачах пролетариата, а также заключительного слова по вопросу об отношении к Государственной думе. Речи же Ленина, вошедшие в протоколы, были переданы весьма неполно.

15.

«Партийные Известия» – нелегальная газета, орган Объединенного ЦК РСДРП, созданного после слияния большевистского Центрального Комитета и меньшевистской Организационной комиссии. Газета выходила в Петербурге накануне IV (Объединительного) съезда партии. Всего вышло 2 номера – 7 (20) февраля и 20 марта (2 апреля) 1906 года. Редакция «Партийных Известий» была создана из равного числа редакторов большевистского («Пролетарий») и меньшевистского (новая «Искра») органов. От большевиков в редакцию входили В. А. Базаров, В. В. Боровский и А. В. Луначарский. За подписью «Большевик» в «Партийных

Известиях» были напечатаны статьи Ленина «Современное положение России и тактика рабочей партии» (№ 1) и «Русская революция и задачи пролетариата» (№ 2). После IV съезда РСДРП издание «Партийных Известий» было прекращено.

16.

Кадеты – члены конституционно-демократической партии, ведущей партии либерально-монархической буржуазии в России. Партия кадетов была создана в октябре 1905 года; в состав ее входили представители буржуазии, земские деятели из помещиков и буржуазные интеллигенты. Видными деятелями кадетов были: П. Н. Милюков, С. А. Муромцев, В. А. Маклаков, А. И. Шингарев, П. Б. Струве, Ф. И. Родичев и др. Для обмана трудящихся масс кадеты присвоили себе фальшивое название «партия народной свободы», на самом деле они не шли дальше требования конституционной монархии. Своей главной целью кадеты считали борьбу с революционным движением и стремились поделить власть с царем и помещиками-крепостниками. В годы первой мировой войны кадеты активно поддерживали захватническую внешнюю политику царского правительства. В период Февральской буржуазно-демократической революции они старались спасти монархию. Занимая руководящее положение в буржуазном Временном правительстве, кадеты проводили антинародную, контрреволюционную политику, угодную американо-англо-французским империалистам. После победы Октябрьской социалистической революции кадеты выступали непримиримыми врагами Советской власти, принимали активное участие во всех вооруженных контрреволюционных выступлениях и походах интервентов. Находясь после разгрома интервентов и белогвардейцев в эмиграции, кадеты не прекращали своей антисоветской контрреволюционной деятельности.

17.

«Крестьянская реформа» 1861 года – реформа, отменившая крепостное право в России, была проведена царским правительством в интересах крепостников-помещиков. Необходимость реформы обуславливалась всем ходом экономического развития страны и ростом массового крестьянского движения против крепостнической эксплуатации. «Крестьянская реформа» была буржуазной реформой, проводимой помещиками. Помещичье землевладение было сохранено. Крестьянин мог получить надел земли лишь по установленной законом норме (и то с согласия помещика), за выкуп. По приблизительным подсчетам, земли у дворян после реформы было 71,5 млн. дес., у крестьян – 33,7 млн. дес. В результате реформы помещики отрезали себе свыше 1/5 и даже 2/5 крестьянской земли. В руках помещиков оставались лучшие части крестьянских наделов («отрезанные земли», леса, луга, водопои, выгоны и другие), без которых крестьяне не могли вести самостоятельного хозяйства.

18.

Речь идет о царском манифесте 17 октября 1905 года, опубликованном в дни наивысшего подъема Всероссийской октябрьской политической стачки. В манифесте царь обещал «гражданские свободы» и «законодательную» думу. Манифест был политическим маневром самодержавия, смысл которого состоял в том, чтобы выиграть время, расколоть революционные силы, сорвать стачку и подавить революцию. Оценивая обстановку, в которой появился манифест, В. И. Ленин писал: «Самодержавие уже не в силах открыто выступить против революции. Революция еще не в силах нанести решительного удара врагу. Это колебание почти уравновешенных сил неизбежно порождает растерянность власти, вызывает переходы от репрессий к уступкам, к законам о свободе печати и свободе собраний» (Сочинения, 5 изд., том 12, стр. 3–4). Манифест был уступкой, вырванной у царизма революцией, но эта уступка отнюдь не решала судьбу революции, как утверждали

либералы и меньшевики. Большевики выступили с разоблачением подлинного содержания манифеста. 18 (31) октября 1905 года ЦК РСДРП выпустил воззвание «К русскому народу!», в котором разъяснял всю лживость царского манифеста и призывал к продолжению борьбы. «Забастовка нам еще нужна, – говорилось в воззвании, – нужна, чтобы враги видели, что нас нельзя успокоить бумажкой, что вы хотите иметь действительные права и действительную силу» («Листовки большевистских организаций в первой русской революции 1905–1907 гг.», ч. 1, М., 1956, стр. 185).

19.

Речь идет о Государственной думе (так называемой виттевской), созванной 27 апреля (10 мая) 1906 года по положению, разработанному председателем совета министров С. Ю. Витте.

20.

«Народная Свобода» – политическая, общественная и литературная газета, орган партии кадетов; выходила в Петербурге в декабре 1905 года под редакцией П. Н. Милюкова и И. В. Гессена.

21.

Имеется в виду работа Ленина «Государственная дума и социал-демократическая тактика» (см. Сочинения, 5 изд., том 12, стр. 163–174), напечатанная в феврале 1906 года в брошюре «Государственная дума и социал-демократия».

22.

«Русские Ведомости» – газета; выходила в Москве с 1863 года, выражала взгляды умеренно-либеральной интеллигенции. В 80–90-х годах в газете принимали участие писатели демократического лагеря (В. Г. Короленко, М. Е. Салтыков-Щедрин, Г. И. Успенский и др.), печатались произведения либеральных народников. С 1905 года газета являлась органом правого крыла партии кадетов. Ленин отмечал, что «Русские Ведомости» своеобразно сочетали «правый кадетизм с народническим налетом» (Сочинения, 4 изд., том 19, стр. 111). В 1918 году «Русские Ведомости» были закрыты вместе с другими контрреволюционными газетами.

23.

Народовольцы – члены «Народной воли» – тайной политической организации народников-террористов, возникшей в августе 1879 года в результате раскола народнической организации «Земля и воля». Во главе «Народной воли» стоял Исполнительный комитет, в состав которого входили А. И. Желябов, А. Д. Михайлов, М. Ф. Фроленко, Н. А. Морозов, В. Н. Фигнер, С. Л. Перовская, А. А. Квятковский и др. Оставаясь на позициях народнического утопического социализма, народовольцы, вместе с тем, встали на путь политической борьбы, считая важнейшей задачей свержение самодержавия и завоевание политической свободы. Их программа предусматривала организацию «постоянного народного представительства», избранного на основе всеобщего избирательного права, провозглашение демократических свобод, передачу земли народу, разработку мер по переходу в руки рабочих заводов и фабрик. «Народовольцы, – писал В. И. Ленин, – сделали шаг вперед, перейдя к политической борьбе, но связать ее с социализмом им не удалось» (Сочинения, 5 изд., том 9, стр. 179).

24.

Приведенные слова взяты из «Тезисов о Фейербахе» К. Маркса (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, 2 изд., т. 3, стр. 4).

25.

«Слово» – ежедневная буржуазная газета; издавалась в Петербурге с 1903 по 1909 год. Вначале – орган правых земцев, с ноября 1905 года являлась органом партии октябристов. С июля 1906 года выход газеты прекратился. Газета была возобновлена 19 ноября (2 декабря) 1906 года как орган партии «мирнообновленцев», по существу ничем не отличавшихся от октябристов.

163.

«Вперед» – нелегальная большевистская еженедельная газета; издавалась в Женеве с 22 декабря 1904 (4 января 1905) по 5 (18) мая 1905 года. Вышло 18 номеров. Организатором, идейным вдохновителем и непосредственным руководителем газеты был В. И. Ленин. В состав редакции входили В. В. Воровский, А. В. Луначарский, М. С. Ольминский. Всю переписку газеты с местными комитетами в России и корреспондентами вела Н. К. Крупская. Ленин, определяя содержание газеты, писал: «Направление газеты «Вперед» есть направление старой «Искры». Во имя старой «Искры» «Вперед» решительно борется с новой «Искрой»» (Сочинения, 5 изд., том 9, стр. 236). Ленин не только писал руководящие статьи во «Вперед», его перу принадлежит также большое число различных заметок и обработанных им корреспонденции. Некоторые статьи написаны Лениным в сотрудничестве с другими членами редакции (Воровским, Ольминским и др.). Сохранившаяся часть рукописей различных авторов носит следы больших правок и значительных вставок Ленина. Каждый номер в полосах обязательно просматривался Лениным. Даже будучи целиком занят работой на III съезде в Лондоне, Ленин все же нашел время для просмотра гранок № 17 «Вперед». И только № 18, по-видимому, вышел без редакторского просмотра Ленина, ввиду переезда его из Лондона в Женеву. В газете «Вперед» было опубликовано свыше 60 статей и заметок Ленина. Некоторые номера газеты, как, например, № 4 и № 5, посвященные событиям 9 января 1905 года и началу революции в России, почти целиком составлены Лениным.

164.

«Пролетарий» – нелегальная большевистская еженедельная газета; Центральный Орган РСДРП, созданный по постановлению III съезда партии. Решением пленума Центрального Комитета партии 27 апреля (10 мая) 1905 года ответственным редактором ЦО был назначен В. И. Ленин. Газета издавалась в Женеве с 14 (27) мая по 12 (25) ноября 1905 года. Вышло 26 номеров. «Пролетарий» продолжал линию старой, ленинской «Искры» и сохранил полную преемственность большевистской газеты «Вперед».